

ЗА ЖЕСТКУЮ ДИСЦИПЛИНУ

НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Новобrückский пленум ЦК ВКП(б) наметил систему мероприятий по подготовке кадров народного хозяйства. В этой системе одно из первых мест занимают указания об обеспечении сроков выпуска специалистов из вузов, вузов и техникумов и ликвидации второгодичества. Эти задачи требуют установления строгого учебного режима и поднятия дисциплины среди студентов и преподавательского персонала в высшей школе.

Мы считаем целесообразным провести следующие мероприятия, чтобы обеспечить нормальный ход учебы в наших вузах:

I. Необходимо построить расписание учебных занятий в вузах таким образом, чтобы занятия для дневной смены начинались не позднее 8 часов утра и заканчивались не позже 3 часов дня. Если есть вечерняя смена, то занятия в ней должны производиться между 3 и 10 часами вечера. Дневная учебная нагрузка студента должна быть во втором семестру текущего учебного года доведена во всех без исключения вузах и техникумах до 6 академических часов в день, или до 48 академических часов в декаде, при продолжительности академичека в 50 минут. Сверх этой нормы могут производиться занятия только по физикултуре.

II. Нужно решительно ликвидировать пропуски академических занятий и прогулы на предприятиях при прохождении и, п. п. как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей. Установить обязательную регистрацию занятий. Все виды занятий объявить обязательными (лекции, лаборатории, семинары и т. д.).

III. По соглашению с местными секциями научных работников, пересмотреть правила внутреннего распорядка, установив в них меры взыскания по отношению к пропускающим занятия (без уважительных причин) профессорам и преподавателям.

IV. Считать нужным упразднение «минимумов», обзав каждого студента выполнять в установленные сроки все требования учебного плана.

V. В текущем же учебном году максимально усилить активные методы преподавания (в особенности на младших курсах), сохраняя их только в качестве вводных и заключительных частей курсов.

VI. Ответственность за успеваемость студентов и за эффективность работы вуза возложить целиком на ректора, который устанавливает строгую ответственность всех остальных работников вуза (проректор, декан, профессор)—каждого в пределах его функций.

VII. Выяснить причины второгодичества всех студентов второгодичем. Уважительными причинами для оставления на второй год могут быть только длительные, не менее 6 месяцев, болезни. Во всех других случаях оставление на второй год недопустимо.

Чтобы изжить второгодичество в текущем же учебном году, срочно организовать силами преподавательского состава и студенчества старших курсов в порядке общественной работы дополнительные занятия с отстающими.

VIII. Нужно воспринять какие бы то ни было условные переводы с курса на курс.

IX. Предельным сроком пребывания в вузе устанавливается то количество лет, на какое данный вуз рассчитан.

Ответственность за выполнение всех перечисленных предложений должна быть возложена на ректоров вузов и заведующих техникумами. **Группа студентов МВТУ**

ТЕКУЩИЕ ДЕЛА

★ Объявлен приказ ВСНХ СССР, в котором предлагается теснее, свидетельством о трудовой и профсоюзной промышленности, предоставлять 153 места для непрерывной производственной практики студентам первого и второго классов экономического факультета ИИХ им. Плеханова.

★ Удольбасинском предложено Уралово проработать вопрос об открытии кооперативной факультета при государственном университете в Пермь.

★ Ульчанский завод решил создать ударные бригады для усиления выпуска студентов по специальности, кроме усиления темпа прохождения программы даст до 55 тысяч рублей экономии.

★ ВСНХ издал приказ об обеспечении стипендий студентам-выпускникам, командированных по вузам Украины в счет профитанса, в которой предлагается всем трестам, общесоюзного значения образовывать специальные фонды для выплаты стипендий студентам, работающим на предприятиях этих трестов. Размер стипендий устанавливается от 30 до 125 руб., в зависимости от семейного и материального положения студента.

★ В Минске в будущем году намерен ряд крупных промышленных строительных. Будет строиться у нас в области для сельхозакадемии, учебный корпус для политехникума. Кроме того, начнется постройка общежитий для разных вузов вместимостью до 2000 человек.

НАУКА И ПОЛИТИКА

Под таким названием был объявлен диспут в Большом зале кооператива. Переношенный зад и топы неполоввших, осаждающие вход,—ярко свидетельствуют о глубоком интересе к этой проблеме. Но вряд ли интерес этот был удовлетворен отчетным диспутом.

Никакого диспута, столкновения противоположных мнений, по существу не было, а был, по выражению А. В. Луначарского, «хорошо налаженный симфонический концерт». Споры, конечно, и не могло быть.

Вряд ли сейчас найдутся, мягко выражаясь, такие ученые, которые бы искренно утверждали независимость науки и политики. «Аполитичность есть особая форма политики»,—напомнил Ю. М. Стеклов. И потому понятна идеология тех ученых и профессоров, которые в наши дни желают огрести свою работу от всякого воздействия социальной жизни. Это те группы обывателей от науки и попросту вредителей, которые не выйдут на кафедру с само-разоблачением, и встреча с ними произойдет в другом месте, на почве борьбы за наше новое строительство.

Но мы все же, к сожалению, знаем не мало фактов, когда крупные специалисты, в той или иной области желая честно работать на пользу пролетарского союза, очень деликатно, но и очень настойчиво отворачиваются от активного участия в совершающихся вокруг них политических событиях и не желают связывать свою научную деятельность с конкретными политическими задачами нашего Союза.

Это и заставляет нас обратить внимание общественного мнения на этот крайне важный фронт. Вопрос о науке и политике нуждается во всестороннем освещении и разъяснении перед самыми разнообразными и широкими аудиториями. И для осуществления этой задачи несравненно продуктивнее и полезнее было бы организовать обстоятельный доклад (а не диспут) одного крупного социолога-марксиста для установления ряда теоретических и принципиальных вопросов этой темы, и еще один или два содоклада крупных специалистов, освещающих эту же тему в конкретной обстановке той или иной дисциплины. Диспут же с пятиминутными выступлениями длинной очереди товарищей волеизъявляет заставить их пахать по поверхности, ограничиваясь общими фразами и заметно повторяться. Среди различных вопросов, затронутых выступившими учеными и профессорами, особо интересен вопрос о воспитании новых кадров.

Каждый профессор, каждый специалист-надегод выступает не только в роли специалиста в своей дисциплине, не только в роли механического передатчика известной суммы технических знаний, но и как воспитатель молодежи, передающий ей свое отношение к вещам. Поэтому понятна та сугубая осторожность, с какой необходимо подходить к профессорам, заявляющим: «Воспитывать ваших студентов мы не можем, но давать им свои знания мы согласны». На это А. В. Луначарский весьма четко ответил: «Но нам нужны новые кадры специалистов-общественников, а не замкнутая каста избранных». Сейчас мы можем только терпеть таких профессоров за наименее лучших.

Из выступивших на диспуте профессоров наиболее четко и конкретно (но опять-таки за недостатком времени недостаточно углубленно) выступил по теме применительно к медицине проф. Кичаловский: «Медицина имеет дело с живым человеком,—говорил он,—поэтому мы не можем оторвать свою работу от конкретной социальной обстановки, в которой человек живет. Микроб болезни только тогда поражает окончательно организм, когда последний находится в уродливых социальных условиях».

Выступившие профессора Абрикосов, Коган, Лапирова-Скобел, Шейн, академики Ипатьев и Иоффе,—все единодушно высказали утверждение, что наука никак не отделима от политики, а советская наука в частности, конечно должна идти рука об руку со всеми задачами социалистического строительства.

Подводя итог всем выступлениям, тов. Кржижановский обратился ко всем присутствующим ученым, профессорам, специалистам: «Партия ждет от вас и надеется, что в выполнении пятилетки все научные силы нашего Союза, и сыновья с рядового научного сотрудника и кончая академиком, сыграют громадную положительную роль».

Для выполнения гигантских задач, стоящих перед нами, нужны кадры новых специалистов, воспитанных по-новому,

27 ДЕКАБРЯ 1929 Г. № 14

СТУДЕНЧЕСТВО

ОБЪЕДИНЕННЫМИ
УСИЛИЯМИ

Колоссальные темпы социалистического строительства требуют коренной ломки старой школы. Быстрые темпы развития хозяйства требуют таких же темпов работы наших учебных заведений. В кратчайший срок обязательна полная социалистическая реконструкция профтехнической школы. Некоторая даже лучшая часть работников высшей школы растерялась перед быстрыми темпами работы. Многие так и говорят: «Я теряюсь перед бешеными темпами, требующимися от нас». Этой растерянности должен быть противопоставлен мощный бронированный кулак пролетарской энергии. Большевицкая настойчивость, железная сила воли всей пролетарской общественности явятся лучшим залогом выполнения директив партии.

Необходимо со всей решительностью заявить, что выполнение директив ноябрьского пленума ЦК требует объединенных усилий пролетарского студенчества, всего коллектива научных работников, инженерно-технических сил на предприятии и при энергичной поддержке рабочих.

Ноябрьский пленум ЦК партии указал, что кадры пролетарских специалистов «должны обладать достаточно глубокими специально-техническими и экономическими знаниями, широким общественно-политическим кругозором и качествами, необходимыми для организации производственной активности широких масс трудящихся».

Эта формула дает совершенно отчетливое представление о содержании работы по подготовке кадров. Выполнение первой части этой формулы («достаточно глубокими специальными знаниями») выдвигает перед всеми профессорами и преподавателями чрезвычайно большую, ответственную и благородную задачу. Мы обращаемся ко всем научным работникам: на вас лежит колоссальнейшая ответственность. Пора прекратить бессмысленное топтание на месте. Мы требуем активного участия в коренной перестройке профтехнической школы. К сожалению, до сих пор мы встречали если не активное сопротивление, то пассивное выжидание. Вся ответственность за пересмотр программ по данной кафедре, за подготовку научной смены из рабочих и батраков, бедняков должна целиком ложиться на плечи профессуры. Каждый преподаватель должен персонально отвечать за подготовку той группы студентов, которые ему доверены. Научным работникам пора уж выступить против академического феодализма, против всего ветхого и реакционного. Пора уж поднять голос: «Даешь революцию во всей системе образования, даешь десятки тысяч пролетарских специалистов, прекрасно подготовленных, стоящих на уровне современных достижений науки и способных быть руководителями дела социалистической реконструкции». Подымите, наконец, волну самокритики в своих рядах, без которой невозможна дальнейшая работа профтехнической школы.

Необходимо ликвидировать всякие зацепки, ширмочки, дающие возможность укрыться от ответственности. Мы

обращаемся ко всем научным работникам энергично выступить на поддержку «красной гвардии вузовского октября» — ударных бригад. Пора и самим научным работникам выступить против отдельных реакционных профессоров и ликвидировать пеленую кастовость «жрецов науки».

Подготовка новых специалистов, приобретение широкого общественно-политического кругозора и качества организатора производственной активности могут и должны проходить не только внутри, но прежде всего и раньше всего вне вуза: на заводе, фабрике. Качество организатора и общественно-политический кругозор даются не только и не столько книжной премудростью, но прежде всего практической работой во время учебы. «Не институты делают людей, а людей делают заводы», — говорит крупный американский инженер Купер.

Мы обращаемся к пролетарской общественности: Помогите будущему специалисту приобрести навыки работы среди масс, получить пролетарскую закалку. Помогите перенести в вуз богатейший опыт рабочего класса. Шлите бригады рабочих в помощь перестройке вуза. Берите социально-политическое шефство над фабриками кадров так же, как последние берут культурно-техническое шефство. Перенесите богатый опыт производственных совещаний, временных контрольных комитетов, ударных бригад в школу.

Широкое поле деятельности в деле подготовки пролетарских специалистов у инженерно-технических работников. Половину времени студент будет проводить в производстве. В сотрудничестве с преподавателями вузов приложить все усилия к подковыванию будущих специалистов достаточно глубокими специально-техническими и экономическими знаниями. Инженерно-технические коллективы не имеют права стоять в стороне от дела подготовки кадров. Быть путеводителем, советником, руководителем студенчества на практике может и должен каждый инженер, имеющий опыт и богатую практику.

Лишь дружными, объединенными усилиями профессуры и инженерства под контролем и активным участием рабочих выкуем кадры преданных делу социализма специалистов.

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО ФАКУЛЬТЕТА

Перед нами лежит колоссальная куча всяких резолюций и постановлений. Они рассказывают печальную историю химико-фармацевтического факультета Ленинградского медицинского института.

Дико. В условиях острого голода на специализированных факультетах переживает настоящий кризис. В идее он должен готовить работников с высшим химико-фармацевтическим образованием для Наркомздрава. А на практике... на практике совсем иное. Наркомздрав, зубами цепляющийся за существование факультета в здании Ленинградского медицинского института, в то же время великолепно понимает, что для аптек совершенно не нужны специалисты с высшим образованием. И однако он «ничегоже сумняшеся» благославляет мероприятия Главгирозобра по ликвидации производственного цикла факультета, превращая его этим в нечто, похожее на провизорские курсы. Наркомздраву хочется иметь химико-фармацевтический факультет в Медицинском институте, но зачем ему нужны такие специалисты, он и сам не знает. Предоставляем слово документам:

Народный комиссарат здравоохранения отношением ва № 1427—001 сообщил Ленинградскому медицинскому институту следующие приятные новости:

«Заявок от периферических органов здравоохранения на организуемых химфармаки в НКЗ нет. По ориентировочным сведениям окончивающие химфармаки могут быть использованы в учреждениях органов здравоохранения в очень незначительном количестве, поэтому НКЗ не счел нужным централизовать у себя их распределение. Нуждающимся в указанных специальностях предложено обращаться непосредственно в химфармаки».

Все эти замечательнейшие откровения скреплены соответствующими печатями и подписями. По существу мы здесь видим расписку Наркомздрава в том, что ему не нужны специалисты фармацевты. Особенно замечательна фраза об «ориентировочных сведениях». Казалось бы, настаивая на необходимости существования такого учебного заведения, Наркомздрав может так бы подкрепить расчеты о потребном количестве данных специалистов. Но этого нет.

В результате специалисты, окончившие химико-фармацевтический факультет, благодаря полному отсутствию на бирже труда спроса работников этой специальности, в особенности по аналитическо-аптечному циклу, попадают наиболее застойные кадры безработных, а в лучшем случае устраиваются в химпромышленности на работе не по прямой специальности. Из 122 человек, окончивших за время с 1926 по 1929 год, только 13 человек работают в аптеках. И то это те, которые до вуза работали фармацевтами и после окончания не хотят выезжать из Ленинграда. Список предприятий, где работают окончившие, весьма пестрый. Здесь и аналитическая лаборатория Волховстроя, и лаборатория Химтреста, и завод «Красный химик», и Охтинский химический завод, и шпиковаренный завод, и шоколадная фабрика, и завод эфирных масел, и парфюмерная фабрика Ленжет, и даже... Угрозск. Этот список—обвинительный приговор целевой установке факультета. Благодаря ее неясности и расплывчатости полноценный химический вуз работает вхолостую. А вместе с тем он мог бы с большим успехом выпускать хороших специалистов, обладающих глубокими, специально-техническими и экономическими знаниями в области эфирных

масел, технологии брожения, пищевой промышленности и т. п.

На совещании, созданном областным бюро инженерно-технических работников, представитель Пищтреста говорил, что они в своей работе опираются сейчас на окончивших химико-фармацевтический факультет. Основные работники лабораторий Пищтреста—химики-фармацевты. Представители заводов: Карпова, «Красный химик», Фармакон, дали прекрасные отзывы о работе окончивших... И после этого производственный цикл ликвидируется.

Химические вузы ощущают страшный голод в лабораториях. В нашем журнале приводился целый ряд подобных примеров (см. статью Николаева в № 12 «Химки на вес... гелия»). В химфармаке положение совершенно другое. На имеющихся 670 рабочих местах в лабораториях работает всего 238 человек. Таким образом лаборатория не нагружена даже на 40%. Сейчас на 2-м курсе Лен. фарифакультета только около 60 человек. А мест в аналитической лаборатории—116. Ряд химических вузов работают в две смены, а здесь недогрузка даже в одну смену. 16 прекрасно оборудованных химических лабораторий, обобщенных государству за последние три года больше чем в 200 тысяч рублей, пустуют. В это время кто-то додумался до очень платного разрешения вопроса о факультете. Задание его передается под рабфак. Такое решение означает разрушение лаборатории и злостную растрату сотен тысяч рублей. Бюро коллектива ВКП(б) ЛМИ постановило решительно протестовать против безхозяйственной передачи здания химфака рабфаку ЛГУ.

Химико-фармацевтический факультет объединен одной вывеской с Ленинградским медицинским институтом, в то время как он не связан с ним ни в отношении программ, ни даже в отношении территориального расположения. Объединение двух факультетов, различных по своим задачам и целевому назначению, совершенно случайно и не вызывается никакими деловыми соображениями.

Дальнейшее существование химфармака при Медицинском институте не целесообразно. Необходимо немедленно, ликвидировать это межмуниципальное положение.

Вместо нормального развертывания факультета мы имеем постепенное загнивание его. Неясность целевой установки создает шаткое положение факультету, вызывает неуверенность как среди профессорско-преподавательского состава, так и среди студенчества. Последнее ведет к резкому понижению академической активности и добровольному уходу с факультета наиболее ценных социальных слоев студентов.

Необходимо немедленно ликвидировать эту туманность. Есть все данные для развертывания химико-фармацевтического факультета в полноценный химический вуз, в котором на ряду с фармацевтической специальностью (производственный цикл) были бы организованы специализации в родственных областях, особенно пищевой промышленности. Последняя почти не обеспечена специалистами-производственниками и даже вовсе отсутствует в настоящее время подготовка таковых. Между тем химико-фармацевтический факультет по своей учебной программе является вполне подходящим вузом для развития в нем специализации в области химии, технологии пищевых продуктов.

238 человек ждут. Решать надо немедленно.

ВНЕ ВУЗА

До этого учебного года вневузовская работа была на последнем плане. Большинство вузовских парт- и профработников считали, что раз студент учится и занят общественной работой в вузе, то «на чорта ему завод».

Посмотрите протоколы заседаний некоторых проф- и организаций вузов и техникумов, и вряд ли вы там найдете о вневузовской работе. А если какая-нибудь организация предъявляла «спрос» на общественных работников студентов, то направлялись ребята из «пассива». Работающие вне вуза не считались активистами. Так было до сих пор.

Новые программы, непрерывная производственная практика и социальстическое соревнование заставили совершить перелом и здесь. Профорганизации уже выделяют специальных товарищей, руководящих вневузовской работой своего вуза, устраиваются специальные совещания по вневузовской работе. Вневузовская работа теперь получила «право гражданства».

Но всякое новое дело сопровождается трудностями. Так, находились скептики из фазбазкомов, которые говорили, что вузовцы начинают «ходить в народ»... Секретарь комсомольской ячейки с. Богородское ответил студентам Московского текстильного техникума: «Если вам нужно поучиться, валайте, а нам шиваких кружков и «техмасс» не нужно».

КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО

МВТУ бросило на вневузовскую работу около тысячи студентов. Основная их работа—руководство кружками «техмасс». Кстати, «техмасс» сейчас весьма популярен среди студентов МВТУ.

Кружками «техмасс» студенты МВТУ руководят на 70 предприятиях и 69 построейках. Студенты продвигают предложения рабочих, делают чертежи к предложениям и изобретениям и т. д.

Значительно раньше МВТУ к «техмасс»-работе приступили в Московском текстильном техникуме. Там «техмасс» в центре внимания. Псылаются студенты старших курсов. 40 студентов руководят 35 кружками, охватывающими около 500 кружковцев на подмосковных текстильных предприятиях (Орехово-Зуево, Нара-Фоминская, Болшево и др.). Занимаются с рабочими основных групп текстильного производства: ватерщиками, банкбросщиками, прядильщиками, ткачами, красильщиками и т. д. И вот результаты: в Нара-Фоминске 5 ткачей переведены в подмастерья. 15 чел. в Орехово-Зуево получили повышение разряда.

НУЖНА ЛИ ВНЕВУЗОВСКАЯ РАБОТА

Предоставим ответ председателю правления клуба «Трехгорки»:

— Я не надеялся, что такая небольшая группа студентов сумеет нам столько помочь. Но это как капля в море. Работы—непечотый край. Хоть сто человек дайте, найдем для них работу...

Заведующий библиотекой добавляет:

— У нас сейчас две тысячи читателей. Мы ставим задачу довести это число до трех тысяч. У нас есть витрины по разным отраслям. Вот, если бы хоть раз в неделю пришел студент-медик и консультировал у витрины «медицина», или вузовец у витрины «техника».

Вот этот спрос, предъявляемый представителями рабочих организаций, не разрешает вузорганизациям «почивать на лаврах».

БУДЬ НА ЧЕКУ!

В капиталистических странах кучка фабрикантов, банкиров и крупных промышленников, опираясь на науку и технику, блага, получаемые от науки и техники, используют для собственного обогащения. В нашей стране мы, опираясь на науку и технику, стремимся вооружить знаниями широкие массы трудящихся и дать возможность массам двигаться дальше, поднимая себе сами природы.

Пролетарское студенчество все силы должно направить к тому, чтобы в случае войны наша страна вышла победительницей. Обучаясь в вузах, студенчество должно особенно серьезно заняться военным делом. Срок для военной учебы сокращен. В 4—5-летнем курсе будет 180 учебных военных часов и полтора месяца пребывания в лагерном сборе.

Мы стремимся к тому, чтобы ни один студент—женщина или мужчина—не прошел мимо военного обучения. В наших вузах имеются следующие уклоны, зависящие от уклона самого вуза: пехотный, кавалерийский, артиллерийский, саперный, связи, морской, военных сообщений, авиации, военно-электро-технический, химический, ветеринарный, военно-строительный, военно-хозяйственный, военно-промышленный, военно-санитарный, военно-пропагандистский. Раньше все девушки-студентки изучали военно-санитарный уклон. Теперь же военно-санитарный уклон будет существовать только для медичек.

В постановке военного преподавания имеются недочеты. Прежде всего много времени тратится на лекции. Между тем, все внимание должно быть обращено на практическую постановку работы. Краткие часы, отведенные на военное обучение, должны быть использованы практически.

Учитывая загруженность студенчества, трудно ждать максимального серьезного отношения студенчества к военным дисциплинам. В начале введения военных дисциплин мы сделали ошибку, установив 17 зачетов. Были случаи, когда к 20 зачетам прибавлялось по учебному плану еще 17 зачетов.

Сейчас учебная работа упорядочена. Число зачетов сокращено до 7—8. Сокращена многопредметность, упрощены программы.

Большая работа проведена по линии физкультуры. Устроены учебные тиры, оборудованы спортивные залы. Здоровье студенчества улучшается. В результате лагерных сборов грудная клетка расширилась, уменьшились нервные заболевания, 90 проц. лагерников становится крепче.

Ближайшая задача—приобщить учебу к лабораторному и семинарскому методу, обеспечить учащих учащихся учебными пособиями.

Все общественность и прежде всего парторганизации должны помочь военным руководителям проводить работу, намеченную управлением военно-учебных заведений. Несомненно, что предстоящий третий средневой конкурс покажет высокую дисциплинированность будущих командиров.

Постановку военного образования в гражданских вузах нужно реорганизовать. Военная учеба должна кончиться в вузе. Это избавит студентов от девятимесячной учебы по окончании учебного занятия. взамен этого должны быть продолжены практические занятия по военному делу.

Мы живем в такое время, когда должны заранее готовиться к нападению врагов. И готовя себя к хозяйственной деятельности, пролетарское студенчество должно готовиться быть хорошим красными командирами и бойцами Красной армии.

ЗАМЕНИМ КОНДРАТЬЕВЫХ ПРОЛЕТАРСКИМ МОЛОДНЯКОМ

Ноябрьский пленум ЦК в своей резолюции о кадрах подчеркнул необходимость разветвления и укрепления подготовки экономистов. Это постановление является прямым следствием того, что вопрос о кадрах экономистов в настоящее время стал крайне актуальным, т. к. хозяйство в период реконструкции требует не только большого числа техников-инженеров, но и организаторов хозяйства.

Разрешение проблемы кадров экономистов складывается из двух частей—создание достаточного количества экономистов и четкого оформления их подготовки, т. е. вопрос о качестве.

О количестве потребных экономистов мы сейчас, к сожалению, знаем только, что их «нужно много».

Контрольные цифры Госплана РСФСР не дают точных цифровых данных, а заявки хозяйственных организаций недостаточны и неполны. Есть четкие заявки кооперации, общие соображения НКФ, «аметки» НКТ и т. д. Но и по этим разрозненным данным можно сделать вывод, что спрос на патилетку в значительной мере превосходит ту продукцию, которую мы имеем, и выражается, примерно, числом около 40 тысяч человек. Это требует, как расширения существующих вузов, так и создания новых.

Уже в этом году открыт Институт народного хозяйства в Новосибирске и экфак в Воронежском университете. Намечено открытие Института народного хозяйства в Свердловске и на Дальнем Востоке. С другой стороны, намечается увеличение норм приема в существующие вузы. Но вопрос о количестве не может быть разрешен без разрешения вопроса о качестве.

Споры о «широких» и «узких» экономистах уже закончены. Хозяйство требует от нас экономистов-специалистов не только в определенной области хозяйства (промышленности, торговли и т. д.), но и в определенной отрасли (сырье, химия, металлы и т. д.). Мы должны давать не экономиста «вообще», а хозяйственного работника главным образом для предприятий, наркоматов и главков. Поэтому необходимо усиление в учебных планах технических, товароведных и конкретных дисциплин.

Конечно, нельзя делать это по трафарету, насчитывая «в среднем» проценты каждой группы наук в учебном плане—необходимо дифференцировать подход к каждой специальности. Каким путем это сделать? Прежде всего учесть опыт уже работающих бывших студентов и заявляющих хозяйственных организаций. Но и к тому, и к другому необходимо подходить критически—опыт окончивших не всегда можно обобщать, тем более что они учились по другим планам и являются в большинстве «широкими» экономистами; заявки хозорганов и особенно отдельных их представителей часто безграмотны и построены на дилетачестве—одни хотят бухгалтеров, другие—товароведов с узкой специальностью (пух, кашки), третьи, наконец, требуют введения в качестве основного предмета... стенографии.

Реконструктивный период требует от экономиста не меньше теоретических знаний, чем прежде, а больше. Поэтому снижать теоретический уровень нельзя—лишь мы получим не экономистов, а дельцов, не разбирающихся в тех сложных проблемах экономики переходного периода, которые встают перед каждым советским экономистом.

Как сочетать проведение специализации с сохранением теоретического уровня? Это можно сделать только путем проведения специализации с первого курса, что даст возможность отказаться от ряда таких теоретических дисциплин, которые не нужны для данной специальности, но необходимы для другой.

Необходимо установить тот минимум теоретических дисциплин, который безусловно необходим для всех видов специалистов-экономистов, варьируя другие предметы в зависимости от специальности. Но и при увеличении удельного веса конкретных и специальных наук нельзя идти на поводу у случайных и иногда необоснованных требований хозяйственников.

Здесь огромное значение имеет плановое введение непрерывной практики на основе органической увязки ее с учебным планом—отдельные части многих предметов а иногда и целые предметы можно с пользой для дела перенести на практику, где студенты смогут лучше и полнее усвоить то, что давалось им чтением лекций.

Специализация заключается не в том, чтобы уничтожить или свести до формального минимума теоретическую подготовку, а в правильном сочетании теоретических наук с конкретными и техническими применительно к каждой специальности.

Для этого важно установить действительную связь с потребителем продукции вузов—с хозяйственными организациями. Сейчас этой связи нет, ибо нельзя считать связью выделение хозорганов в состав правлений вузов, деканатов и отделений своих представителей, которые никакого участия в работе не принимают, которые часто выделяются случайно и ничем полезны быть не могут.

Нельзя считать связью и случайные заседания, на которых хозяйственники выступают с критикой, не зная вузов, никогда в них не бывая, не имея никакого представления о том, что и как там делается. Наконец, нельзя считать связью и выдачу денег для вузов, так как хозорганы не интересуются использованием этих денег и требуют только бухгалтерского отчета.

Сейчас картина меняется—уже контрактация заставляет хозорганы ближе подойти к работе вузов; непрерывная практика также является серьезным экзаменом для них; наконец, острая нужда в специалистах заставляет их также заинтересоваться вузами. Все это создает перелом во взаимоотношениях, зарождает надежду на развитие «дипломатических сношений». А это, конечно, поможет легче разрешить те сложные вопросы, которые перед нами стоят.

Необходимо провести широкую кампанию на фабриках и заводах по разъяснению задач экономического образования и роли экономиста в социалистическом строительстве. Необходимо организовать прием «тысячников» в экономические вузы, улучшить материальное обеспечение, приравнять положение студентов-экономистов к положению студентов вузов. Необходимо увеличение бюджета вузов, организация лабораторий и кабинетов, так как без этого вузы будут иметь только «словесное» обучение и не смогут дать хорошо подкованную смену, марксистски подготовленную.

Лишь коренным образом изменив экономическое образование, мы создадим условия полной замены Кондратьевых и Громянов.

В. СМУШКО

зав. отд. социально-экономического образования ГПФ РСФСР

НЕХВАТАЕТ ЭКОНОМИСТОВ...

На экономической работе у нас сейчас вместо экономистов работает 70—90% джесциалистов, т. е. лиц, не имеющих экономического образования. Это не только джесциалисты, но и классово чуждые люди. В Россельбанке до недавнего времени экономистом работал бив. курский вице-губернатор, в Сельхозбанке еще недавно экономистом состоял бив. директор гимназии—математик. Печальная слава экономистов НКФ всем известна.

Какой тип экономиста нам нужен в настоящий реконструктивный период? Сколько нужно экономистов для нашей промышленности и всего народного хозяйства? Кто их должен готовить и какой вуз и т. д. Никто этого точно не знает, никто до сих пор этим вопросом не интересовался и не занимался. Казалось бы, что ГПФ должен был знать, сколько в течение пяти лет нужно подготовить экономистов. Оказывается, что у него до сих пор нет в пятилетке экономического образования. Вернее, оно есть, но оно еще вчера, оно «сгласовывается, утверждается» и, видимо, к концу пятилетия будет готово.

Экономистов нехватает. В них ощущается голод. Поступайте, о чем говорят цифры. НКФ СССР из тысячи необходимых экономистов в год получает 250—300, по НКФ РСФСР на 1 октября 1929 г. недостаток экономистов исчислялся в 1800 чел., МСНХ ежегодно требуется 300—400 экономистов, лесобработывающая промышленность делает заявку в Совет съездов промышленности и торговли на 1000 инженерно-экономистов, Уралмет—1200. Для нужд одной промышленности (по плану, труду и рационализации), на крупные предприятия Союза требуется 9 тысяч экономистов. Наши вузы удовлетворяют эту потребность всего на 30—40%. А на Западе мы видим иную картину. По данным директора Женевского п-та рационализации ежегодно подготавливается в Германии 16 000, в Америке—80 000 и т. д.

Несомненно одно, что рост экономического образования отвечает от темпа развертывания народного хозяйства и если немедленно не принять решительных мер, то в ближайшее время раствор ножиш между продукцией экономистов и потребностью в них еще больше увеличится.

Сколько же нужно всего экономистов для нашего народного хозяйства? Тов. Гольштейн на совещании при АППО ЦК ВКП назвал цифру в 40 тысяч. Некоторые хозяйственники возражали, говорили, что эта цифра преувеличена, но доказать этого они не смогли. Они даже не смогли оценить, сколько же экономистов им нужно.

Целевой установки в экономическом образовании до сих пор не существовало. Экономические вузы готовили экономистов «вообще», не пригодных для нужд настоящего периода. Рабочая молодежь в экономические вузы почти не идет. Больше того, она, поучившись несколько лет, бегит с эфкафов. Мы имели в прошлом году в Плехановском и-те отсев в 12% (нежелание учиться).

Если рабочая молодежь не идет в экономические вузы, зато чуждые не

идут, а «прут» в экономические вузы. Секретарь вузбюро ячейки ВКП Рыжковский института тов. Борисов представил нам целую галерею таких людей. Вот они: Контурович—сын крупного торговца, Юдович—сын фабриканта, Арефанов—сын муллы и много других. В Плехановском институте мы имеем их тоже немало. Известный Комар, Шустер, барон Ховен и др.

Коммунистическая прослойка в экономических вузах падает. В Плехановском институте падение числа партийцев в приеме нынешнего года выражается в 16%. Плохо обстоит дело с посылкой рабфаковцев в экономические вузы. Они туда не идут. Вот пример. В Плехановском институте из 230 рабфаковцев, принятых в этом году, 56 человек (25%) взяли документы обратно под предлогом нежелания учиться. Тогда как в 1924/25 г. на Бухаринском рабфаке шла форменная борьба из-за мест в Плехановском институте. Теперь этого нет, а рабочая молодежь говорит, что экономические вузы готовят счетоводов с марксистским уклоном.

Сейчас слишком много разговоров о том, кто должен готовить экономиста, какие вузы. На совещании при АППО ЦК раздавались голоса о том, что нужно создать подведомственные экономические вузы (кооперация, торговля и т. д.). Кроме того мы имеем разговоры о том, что нужно создать единый экономический комвуз. По нашему мнению, ни то, ни другое неверно. Сейчас мы не имеем ни средств, ни преподавательских кадров для этой цели. Нам нужно сосредоточить внимание на улучшении социального состава и коммунистической прослойки в экономических вузах. Это можно будет успешно сделать только тогда, когда роль экономистов в народном хозяйстве будет определена точно.

Нужно сейчас же взяться за коренную реформу экономического образования. Хозяйственники обязаны принять участие в составлении учебных планов и программ. Нужно сейчас же провести усиленную кампанию по разъяснению среди рабочей молодежи значения экономического образования и значения экономистов в социалистическом строительстве.

Сейчас вполне назрел вопрос о создании единого мощного экономического вуза в Москве и Ленинграде. Мы сейчас имеем существование параллельных вузов и отдельных факультетов с одинаковыми учебными планами и специальностями (в Москве Экономический ф-т Института народного хозяйства им. Плеханова и Пром.-эконом. институт им. Рыкова, в Ленинграде—Пром.-эконом. институт им. Энгельса и Политехнический институт им. Калинина).

Существование таких параллельных вузов приводит к нездоровой конкуренции, к погоне за вниманием хозяйственников и распылению научных марксистских сил. Возможности к разрешению этого вопроса имеются. Студенческая мысль уже давно работает над этим вопросом. Например, рабфаку Плехановского института невозможно расширяться в рамках одного факультета (6 отделений, 23 шкля). Поэтому студенчество ставит вопрос о создании спе-

ЗДЕСЬ НУЖНЫ НОВЫЕ ЭКОНОМИСТЫ!

циального экономического вуза. Имеется несколько постановлений партийных и профорганизаций. Деканат факультета утверждает, что этот вопрос назрел и его необходимо разрешить, но ректор института тов. Малотин по этому вопросу имеет свою принципиальную установку.

Он заявил, что об отделении эфкафа (а на эфкафе до 3 тысяч студентов, а в будущем году увеличивается на 800 чел.—А. Н.) не может быть и речи. Он говорит: «Когда я шел на эту работу, то имел заверение Наркомпроса о том, что деления не будет. Кроме того, я стою за тип инженера-экономиста. У нас же имеются прекрасные лаборатории, почему же экономисты не хотят в этих лабораториях учиться?»

Так в понимании тов. Малотина можно создать тип инженера-экономиста. По нашему мнению, эти рассуждения тов. Малотина неверны. Сам тов. Малотин на вопрос о том, что же делать экономистам в технических лабораториях, ответил: «Смотреть». Теорию «смотреть» необходимо похоронить.

Для этого помимо общественных условий нужно обеспечить экономические вузы кадрами руководящих работников (эфкаф Плехановский не имеет ни одного постоянного работника). Нужно усилить экономические факультеты кадрами хороших профессоров и преподавателей.

Ал. НИКУЛИН 5

КАКОЙ ЭКОНОМИСТ НАМ НУЖЕН?

Тов. ПЕЧАТНИКОВ

Плано-эконом. отд. Центросоюза

Решающим в подготовке нужного типа экономиста-хозяйственника следует считать выработку марксистского метода исследования явлений хозяйственной жизни. Второй важнейший момент — это правильное соотношение между теорией и практикой, между общим теоретическим образованием и навыками по выбранной специальности. От того, насколько умело мы подойдем к разрешению эти проблем, зависит успех работы по подготовке кадров экономистов для народного хозяйства.

У нас, к сожалению, многие учреждения слишком легкомысленно и несерьезно подходят в важной проблеме подготовки кадров экономистов. Но уже первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства жестоко ударяли по этим взглядам. Сейчас со всех концов Союза, от всех хозяйственных, промышленных и кооперативных организаций несутся требования — вопли: «Дайте нам экономистов!» А удовлетворить все эти требования пока нет возможности.

Для какой бы отрасли работы не предназначался экономист — одно несомненно, он должен обладать твердой клавишной установкой. Имевшие место провалы в работе кооперативного аппарата показали всем, что это требование является решающим. Тот работник, который не в достаточной степени отвечает этому требованию, абсолютно непригоден для работы в кооперации.

Помимо этого, специфические условия кооперативной работы выдвигают перед экономистами — работниками кооперации еще одну важнейшую задачу — умение работать с массами, организовывать массы.

Экономисты нужны кооперации для работы по конъюнктурным и товарным группам для консультационной работы, для перспективного планирования и т. п. Чтобы подготовить нужных нам тип экономиста, необходимо, во-первых, провести спецификацию в звонках не ниже 2 курса, и, во-вторых, организовать единый экономический вуз.

Тов. ГОЛЬДШТЕЙН

Декан Эфкана ИНХ им. Плеханова.

Реорганизация эфкана в связи с постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) проходит по трем основным линиям: уточнения целей установки экономистов, сокращения срока обучения и правильной постановки непрерывной производственной практики.

В целевой установке типа экономиста необходимо отказаться от трафаретных общих фраз о широком и узком типе экономиста. Нужно взять установку на специализацию экономистов. Необходимо учесть функции работы по отраслям и установить определенный экономический минимум для всех циклов эфкана (по ИНХ — 574 часа).

Срок обучения на эфканах сокращается до 3 лет. По промышленности и транспортному отделению возможно некоторое увеличение, но не свыше $3\frac{1}{2}$ лет (раньше 4½ л.).

Специальные предметы устанавливаются президиумами отделений. Непрерывная производственная практика вводится сверх учебных планов до 1000 часов за весь срок обучения. Практика будет колебаться в пределах от 30—40%.
Непрерывная производственная практика лучше определит специализацию экономиста. Очень остро положение с научными кадрами. Научных работников не хватает. Коллегия Наркомпроса окончательно разрешила создание Института аспирантов при ИНХ. Лучшая часть студенчества, окончившая ИНХ, должна оставаться в Институте аспирантов, для работы в ИНХ.

По новым программам специализации студенчества будет начинаться с 1 курса. Студенты всех курсов будут проходить непрерывную производственную практику. Эфкан ИНХ Плеханова, насчитывающий 3000 студентов, должен быть разбит на 5 факультетов: Промышленный и Труд, Плано-статистический, Кооперативный, Транспортный и торговый. Это мероприятие лучше свяжет хозяйственников с отделениями и циклами.

Начавшиеся конференции хозяйственников по отделениям несомненно уточнят учебные планы и программы, целевую установку экономиста и определит участие студенчества в непрерывной производственной практике по предприятиям.

Тов. СТРУМИЛИН

Член Президиума Госплана СССР

Потребность в экономистах будет ежегодно возрастать в связи с ростом народного хозяйства. В данное время экономисты в промышленности и транспорте мало используются. Несмотря на переживаемый кризис в технических силах, до настоящего времени очень мало сделано для освобождения кадров инженеров и техников от административной работы, на которой гораздо лучше справлялись бы экономисты.

Госплан СССР взял установку на подготовку экономистов с техническими знаниями. Экономист-производственный должен обладать технической специализацией в определенной отрасли. От разрешения этой серьезной задачи будет во многом зависеть и уменьшение кризиса в технических кадрах. Экономисты должны уметь хорошо связывать технические и экономические процессы, но для этого нужно иметь обязательно технические знания.

Подготавливающиеся экономисты должны иметь постоянную связь с лабораториями технических вузов, ибо оторвавшись от лабораторий, они не будут иметь действительной ценности на производстве.

Материальное положение студенчества вузов и эфканов необходимо уравнивать. Необходимо проводить единый учет инженеров и экономистов. Экономисты нам нужны не менее, чем инженеры.

ТОРГОВАЯ АКАДЕМИЯ

С 1-го января в строй комузвотв вступает Всесоюзная торговая академия. При организации Торжкакадемии частично будут использованы аппарат и опыт находящихся при Союзном НКТорге — Высших Торгово-банковских курсов. Курс академии рассчитан на 2 года, программы и планы ее разработаны совместно с хозорганами — утверждены АППО ЦК ВКП(б).

Академия делится на 2 отделения:

- 1) Торгово-синдикатское с самостоятельными циклами внутренней, внешней и синдикатской торговли.
- 2) Банковское.

В работу академии вовлекаются исследовательские организации НКТорга, РАНИОН для осуществления учебной работы совершенными методами.

На 1 курс будет принято 225 чел. (есть уже 210, из бывших курсов), из них рабочих 65%. Академия ставит целью повышение квалификации торговых работников высшего руководящего состава, а для поднятия уровня среднего торгового звена под руководством академии организуются в 8 пунктах Союза областные курсы и заочная работа.

Наркомторг совместно с заинтересованными органами на строительство академии ассигнует до 1500000 рублей, а опыт работы курсов торгово-банковского дела (исполняемость 97%, успеваемость 98%), говорит о крепком деловом руководстве торговых главков.

КЛЕНОВ

КАК БЫТЬ НА ПОРОГЕ?

Мы стоим уже, как говорят, на пороге вуза, но многие из нас до сих пор не знают, на какой пороге ему нужно вступить. На вопрос, в какой вуз ты после окончания рабфака пойдешь, каждый из нас откровенно не может ответить, потому что мы почти совсем не знакомы еще с теми вузами и отделениями, которые у нас в республике имеются.

Поэтому нам сейчас крайне необходимо заслушать определенный цикл лекций о том, какие имеются у нас вузы, а в них отделения, а также и о самом процессе учебы на том или ином отделении. Крайне желательно было бы, чтобы эти лекции слушать от того лица, которое не имеет непосредственного отношения к тому или иному вузу, а то можно предполагать, что «каждый кулик будет хвалить свое болото».

Нам очень часто приходится беседовать со своими бывшими соратниками по рабфаку, ныне вузовцами, о том, куда лучше пойти, и всегда от них услышать можно «иди к нам». А на вопрос, как ты думаешь насчет ИНХ, всегда получаешь ответ:—мы с постановкой учебной и с тем, что дает ИНХ оканчивающему, совсем незнакомы.

Нам зачастую приходится слышать, что подготовлено-экономический факультет готовит ни больше, ни меньше, как технических канцелярских работников, на нашем языке «дворники с метлой». Если это и в действительности так (чему я с трудом верю), то вряд ли кто изъявит желание пойти на такой факультет.

Во избежание гаданий на пальцах, мы просим редакцию журнала осветить этот вопрос в печати и особенно уделить внимание ИНХ, пром.-эконом. факультету и другим факультетам. В ближайшее время заслушать лекции о выборе вуза, так как нам этот вопрос уже нужно решить.

Шубин Ф. И., Бадалов С. Б.

Редакция целиком присоединяется к предложению тов. Шубина и Бадалова. В ближайшие дни по инициативе «Кр. студ.» на ряде рабфаков будут прочитаны такие доклады. С таким же предложением редакция обращается к работникам провинциальных вузовских центров.

ТЫСЯЧНИКИ ЗА УЧЕБОЙ

«НЕ ЗНАЯ ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКИ»...

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ИДЕМ

в экономические вузы?

Ответы рабфаковцев на вопрос почему они не идут в эконом. вузы

Иду в МВТУ на механический факультет, который даст мне возможность работать на производстве и учиться. Кроме этого материальное обеспечение тоже хорошо: 45 р. стипендия и в среднем за месяц практика дает 15 руб. Почему я не иду в экономический вуз? Учеба не связана с производством (работы на заводе нет). Готовят людей, которые не будут работать непосредственно на производстве, как, например, инженер. Плохая обеспеченность.

Стрельцов П. А. —Рабфак им. Бухарина

Причины, по которым я не иду в экономический вуз, следующие: 1) экономические, как и педагогические вузы, плохо обеспечены в материальном отношении, 2) там готовят все и в то же время ничего, т. е. там нет определенной специальности, 3) то, что мне лично больше нравится технические науки.

Р. Н. Наунинова —IV к. 11 гр.

В общественный вуз не иду я потому, что у меня большое желание есть изучить свое производство с технической точки зрения и второе—я мало имею представления об общественных вузах. Быть может, они меня и заинтересовали бы.

Телегина IV к. 11 гр.

Не иду в общественный вуз потому, что мною легче усваиваются точные науки, не обладаю умением четко высказывать свое мнение по тому или иному вопросу. Кроме того, страши ответственность работы директора и ему подобных работников.

В. Канаева

О целевой установке общественного вуза, хотя бы Плехановского института, мне известно, но я туда не иду по следующей причине: я интересуюсь производством непосредственно, а по окончании ИНХ я буду иметь только косвенное отношение к производству, т. е. сам на производство работать не смогу.

Л. Довидов.—Рабфак им. Бухарина

Я не имею никакого представления о вузах, так как у нас по этому поводу не было объяснений. Не знаю также, что там проходит и как работают. Так как я раньше работала в сельском хозяйстве, то это дело для меня самое понятное. Из тех сообщений я и заметила для себя с.х. вуз.

Балина

До рабфака я работала на Люберецком заводе с.х. машин. Не иду в общественный вуз потому, что не обладаю широким кругозором, что необходимо, по-моему, для общественика.

Н. Саулкин

Почему мне не хочется идти в экономический вуз? Не зная целевой установки данного вуза, я, конечно, и не могу сюда пойти. Работал я до рабфака слесарем, знаком был с чертежами, отчасти с машинами, поэтому у меня и имеется склонность пойти в технический вуз.

И. Мартынович

Почему я не иду в экономический вуз? Я до сих пор не имею полного представления о вузах, а в частности об экономическом вузе. Знаю о нем только одно, что он выпускает общественников (если этот взгляд правильный), а меня общественные предметы не интересуют, потому я и не иду в эк. вуз. Если бы был отдельный доклад на тему «Об экономических вузах», тогда возможно, что я или другие пошла бы.

Владимиров — IV к. 11 гр.

В экономический вуз не иду в связи с тем, что я не знаю целевую установку данного вуза и к тому же считаю себя непригодным для этого вуза, за отсутствием достаточного красноречия по сравнению со своими товарищами.

Наринков

Скоро эпитет «американский» на советской земле не будет уже синонимом скорости, порыва, темпа. Еще вчера убогая наша техника завтра невиданными темпами роста будет добывать дряхлеющий капиталистический мир. И сегодня уже по советским городам делают объективами иностранцы, оцепеневшими глазами разглядывая республику в лесах и коррестно «радуются» нашим достижениям.

Чудеса сказок, утопии великих мыслителей осуществляются в буднях советской стройки. Миллионной армии строителей социалистической индустрии нужен был крепкий командный стержень. Промакадемия ВСНХ Союза являлась школой высшего состава промышленности.

Приказ по промарии ВСНХ СССР № 741.

§ 1. В Промакадемию принимаются: члены правления трестов, директора и заместители директоров фабрик и заводов, а также руководители СНХ (край, обл. и губ.), профессиональные и партийные работники, причем рабочие должны иметь не менее пятилетнего производственного стажа и не менее 4–5-летнего опыта руководителей работы в хозяйственных, профсоюзных и партийных организациях. Служащие должны иметь не менее 7–8 лет опыта руководящей работы в хозяйственных органах...

§ 2. Из общего количества всех мест 90% предоставляется рабочим, 15% — женщинам...

В новом удобном и простом здании разместились промакадемия. Кто же они? Их 415 человек, севших на школьную скамью от директорских кабинетов, фабричных корпусов — командных высот нашей промышленности.

В светлые аудитории пришли болельщики с большим партажем, видевшие подполье, бывшие на фронтах гражданской войны, поднявшие к доковой черте производство, а ныне в 30–40 лет пришедшие на учебу. Дни реконструкции потребовали от товарищей, ведущих переделку промышленности не только горячего энтузиазма и классовой преданности, но и углубленного знания марксистской теории и технической ориентировки в своей отрасли.

Пришедшие в академию командиры индустрии, люди основательно переработавшие в фабричном котле, — люди большой практической зарядки.

Промакадемия должна увеличить их теоретический багаж применительно к нуждам растущего народного хозяйства. Кадры промакадемии никак не похожи на обычных вузовских слушателей. Кроме стажа, большого опыта и уже сформировавшегося классового облика, вновь поступившие в части академической подготовки являли собой неструную картину.

Рядом с окончившим сельскую школу сидел самоучка или товарищ лет 20 тому назад выкинутый за волевые мысли из первого класса церковно-приходского училища. Это осложняло учебную работу академии. Круто пришлось и самим учащимся. Даже имевшие какой-то, хотя бы и скромный образовательный ценз, растеряли его в горячке фронтов. Тяжело было в 37–39 годов засаживаться за формулы и логарифмы.

ВСНХ создал максимально благоприятные условия как для работы всей академии, так и для слушателей. Академия стоит на крепкой финансовой базе, слушатели обеспечены стипендией (от 150 до 225 р.), жильем, дежуром — проще говоря, имеют нужные условия, позволяющие все внимание сконцентрировать на учебе.

Слушатель работает (или должен работать) шесть или семь часов в академии и на проработку дома тратит до 50% оставшегося времени.

В Академии три курса, из них 1 подготовительный, дающий общеобразовательную подготовку, а со второго курса идет специализация (горняки, металлургия, текстиль, химия, строители). Тяжелая комплектованная библиотека, оборудованная чертежная, лаборатория и мастерские поднимают интенсивность учебы.

В резолюции по докладу тов. Кагановича, ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) указывает:

1. Отмечая значительные достижения в деле укрепления руководящего состава промышленности, ЦК считает все же эти достижения со стороны недостаточноными по сравнению с теми требованиями, которые предъявляют к кадрам нынешний период социалистической реконструкции народного хозяйства...

Одобрив мероприятия в деле подъема культурного уровня и технико-экономической подготовки руководящих кадров организаторов промышленности, проводимые Центральным комитетом и органами промышленности (Промакадемия,

курсы переподготовки и т. п.), ЦК предлагает расширить эту систему...

Вот почему каждый недостаток работы Промакадемии приобретает особое веское значение, а этих недостатков у нее богатый ассортимент, идущий по линии академической работы. На такой ответственный участок, как Академия, нужно было бросить лучшие научные силы. Однако, это не совсем так.

Все слушатели отмечают небрежный подбор преподавательского состава. Профессора приходят на лекции недостаточно подготовленные и ведут занятия в высшей степени халатно. Пример: Преподаватель $\frac{3}{4}$ лекции тратит на перечерчивание таблиц из книжки на доску, в то время как заготовить их раньше было бы очень простым делом. На II курсе лекции по механике читались совершенно вне учета математического уровня аудитории, а ряду преподавателей (физика, химия) приходилось не столько вести свой курс, сколько преподавать алгебру. Технолог ересь слабо разобрался в своем собственном предмете, что сами слушатели училищ и в несоответствии лекционных данных с фактами из учебника. Последовал великий ответ:

— Ну, тогда учитесь по учебнику.

Занятия плетутся вне расписания. Части пропуски. Некоторые лекции permanently отсутствуют, и прорези заполняются первым попавшимся предметом. Постоянно такие случаи, что слушателям пять часов подряд долбит один и тот же предмет.

Физика, химия, организация управления, ряд курсов строятся вне учета специальных требований тех производств, в которые идут работать слушатели.

Горное дело изучается частью в здании Промакадемии, а частью в Горной академии. Как правило, преподаватели из Горной академии в Промакадемию не приезжают. И лекции, читаемые по горному делу, преподаются слушателям в таком объеме и настолько углубленно, что слушатели, во-первых, с трудом воспринимают этот предмет и, во-вторых, слишком много времени тратят на ненужные им подробности.

В изучении текстильного дела главный упор взят на работу с микроскопом и почти обойдена важнейшая в наших условиях проблема машиностроения.

Все эти недостатки много раз находили свое отражение в стенограммах, на совещаниях, академобразиях слушателей. Лучшие из лучших хозяйственников,

ДЕЛО НЕ В НАЗВАНИИ

отобранные на учебу в академию, требовали особенно чуткого отклика учебной части на свои критические замечания и предложения. И это вполне понятно. В академии собрались не безумные школьники, не обычные вузовцы, а люди, прошедшие большую практическую школу, знающие детали производства и «узкие» места нашей промышленности.

Но учебная часть черепашими шагами «торопилась» навстречу предложениям студентства. Поведение учебной части сильно смахивает на отношение няньки, нехоти слушающей лепет своих питомцев. Зав. учебной частью тов. Максимовский на предложение металлостроителей посетить занятия заявил, что посещение групп считает излишним, «ибо ему и так все известно».

Администрация все неурядицы объясняет объективными условиями, между тем до сих пор не существует твердых программ и учебных планов. Находясь в хаотическом виде, планы эти так и не выходят из «периода становления» и без устных комментариев учебной части разобраться в них невозможно.

Достаточно сказать, что в программах академии не значится таких «предметов первой необходимости», как ленинизм. Расхлябанность учебного механизма сказалась и на прохождении практики. В прошлом году программу практики по искусственному волокну учебная часть искусственно проработала, и слушатели были вынуждены сами улавливать вопросы практики. С Главным комитетом по искусственному волокну, который даже и не знал о существовании в академии данной отрасли.

Практика вошла в норму только после жалоб слушателей в ВСНХ и МСНХ.

Производственная экскурсия на Украину разезжала по убогим заводам и захудалым шахтам, так как маршрут маршруда имел в виду те пункты, в которых у него имелась пройма, а администрация автоматически утвердила маршрут «родственной» практики. Непривычка введена также неуклюже, без предварительной подработки перехода. Каждую декаду от 6 до 8 часов прогуливается на-за бестолково распределения занятий.

Видимо, в пикну вузовской общественности, ставшей вопрос о сокращении экзаменационных барьеров, академия скромно вводит такие методы контроля: контрольные работы, зачетные сочинения, коллоквиумы, семинарские произведения, предварительные испытания, окончательные испытания, квалификационные работы.

Созданный в Промакадемии совет ни разу за целый год не собрался, а для разбора накопился, как мы видим, вполне достаточная повестка дня.

Бесплатность учебы и невнимание к излияниям академработы в Промакадемии сводят на-нет темп пополнения руководящих хозяйственных кадров. Промакадемия могла вырастить только на советской земле, и она должна работать социалистическим темпом.

Окончившие академию должны стать во главе той хозяйственной системы, жизнь и успехи которой будут смертью капиталистической системы.

Ю. ЖЕНЬ

Кого должно готовить промышленное отделение Плехановского института—инженеров-экономистов или экономистов-инженеров?

По второму вопросу и главным образом по вопросу целевой установки отделения развернулась широкая дискуссия, которая показала, что как среди студентов, так и среди преподавательского состава имеется два течения. Первое требует коренного изменения направления отделения и перестройки соответственно с этим всего учебного плана. Товарищи, придерживающиеся этого мнения, совершенно правильно говорят, что «реконструктивный период требует организаторов производства, людей, которые на основе знания технических и экономических процессов производства могли бы анализировать это производство в отношении эффективности капиталовложений, установления себестоимости, нормирования труда, рационализации производства и т. д., и т. п.»

Второе течение, выражающее установку президиума отделения, говорит о том, что «подготовка для промышленности высококвалифицированных экономистов осуществляется на основе глубокого общесоциологического образования».

Жизнь отвергает эту «широкую» перспективу. Экономистов «вообще» теперь не нужно, и представителям второго течения необходимо прислушаться к тому, что говорили хозяйственники на конференции металлоцеха промышленного отделения ИНХ.

Тов. Галла (завод «Серп и молот») говорит: «Летом на производственной

практике студенты-плехановцы не смогли выполнить задания, по численности потребной рабочей силы по сталелитейному цеху».

На той же конференции т. Макаров рассказывал о том, что за торжественным заводе экономист по техническому нормированию «рентгенировал» ключ и показал перед рабочими свою техническую неграмотность. И, наконец, тов. Ляховский (Урамет) говорил: «До сих пор готовили экономистов «вообще». Недавно пришедший в предприятие со школьной скамьи экономист оказался совершенно незнакомым с проблемой минерализации уральской черной металлургии, не в плоскости мировых построений, а в конкретном случае».

Вот о чем говорят живые, о чем говорят факты. Нужно сейчас же взяться за перестройку учебных планов и программ, приблизить экономические вузы к производству, хозяйственники должны и обязаны не на словах, а на деле участвовать в работе по пересмотру планов и программ, чего они до сих пор не делали. Конференция, которая проходит на других отделениях Плехановского института, говорит о том, что хозяйственники недооценивают важности этой работы.

Дело не в том, как будет называться «экономист-инженер» или «инженер-экономист», а дело в том, чтобы каждый экономист находил свое место в производстве. И совершенно правильно, конференция металлоцеха промоделения в тезисах записала: «Техническая реконструкция нашей промышленности требует участия в ней специалистов, имеющих достаточную техническую и экономическую подготовку в области планирования производства, рационализации, экономии труда и сметной калькуляции. Форсированная подготовка такого типа специалистов-организаторов для промышленности должна составлять целевую установку промоделения».

Связь экономистов с производством должна существовать не на словах, а на деле. Производственная практика должна стать достоянием также и экономических вузов, тогда мы избежим всех тех казусов, о которых говорили хозяйственники на конференциях.

Специализацию необходимо вводить с первого курса, особенно в связи с переходом на 3-летний курс обучения. Нужно сейчас же пересмотреть учебные планы и программы, в них еще много того, что можно выбросить. Только при условии участия хозяйственников в этой работе, мы сможем выполнить задание партии и дадим в кратчайший срок хороших марксистски-подкованных и знающих производство экономистов.

Ив. Ст.

Шлите свои предложения
о реформе экономического
образования

ФАКУЛЬТЕТЪ СОВПРАВА ПОД ВОПРОСОМ ОБСУЖДАЕМ СТАТЬЮ ТОВ. ВОДНЕВА

В № 8 «Красного Студенчества» была помещена статья т. Воднева «Учатся впускно!» по поводу целесообразности существования факультета хозяйправа. На затронутый автором статьи вопрос редакция получила большое количество откликов. Ниже мы помещаем некоторые из них и продолжаем дискуссии с хозяйственно-юридическим образованием. Ждем پاسخ от читателей.

СБРОСИМ ДОГМАТИЧЕСКУЮ ВЕТОШЬ!

На нотах бывшего когда-то в Ленинградском императорском университете юридического факультета выросло совправо.

Старая отжившая догматическая ветошь, вместе с законодательной телогой прошлого, казалось бы, должна была остаться в стороне от нового факультета. Но этого не случилось. Она переночевала и всосалась в тело нового факультета.

Вереница консервативных профессоров, не могущих без содрогания слышать слово «марксизм», заполняет штаты совправа. Академическая установка факультета сводится к той догме. Правовые дисциплины преподаются оторвано от общей единой системы, выходящей из политических и экономических отношений нашей действительности. Дилематический материализм отодвинул на задний план.

В прошлом году на III курсе исторический материализм проходил между прочим. На этот предмет предназначалось всего лишь 4 часа в месяц. Программы факультета, составленные учеными мудрецами, абстрактны. Между практической жизнью и факультетской теорией целая пропасть.

В нынешнем учебном году попрежнему читались лекция, собирались собрания. Факультет жил так же жизнью, как и все факультеты ЛГУ. Казалось, все было в порядке.

Но тут снегом на голову упал вопрос. Факультет осенью будет делать первый выпуск, но найдут ли выпускная продукция сбыт?

Заговорила, зашумела, заволновалась. Академическая жизнь замерла. Занятия не посещались. Студенты последних курсов толпились в главном коридоре, спорили, строили планы. А канцелярия деканата писала и вошла на витрину приказ за приказом: «На волонтерстве, временно занимайтесь по старому расписанию. Не посещающие будут исключены.»

Наконец, в Москву в центральный ведомственный орган поехала делегация разувать, выясняют ли «опунтатели» на «товар», а если имеются, то сколько «штуки» можно будет сбывать. В результате оказалось, что «опунтатели» на хозяйственно-юридическом совсем нет, существуют, пригодные в соци-

альном отношении, будут использованы. Администраторам работа тоже найдется, только необходимо изменить программу.

Три года существовал факультет. Ежегодно делал массовый прием. Расходовал народные средства и ни разу не удосужился слышать свою программу с конкретными запросами жизни.

Студенчество забило тревогу, требуя срочной реорганизации факультета. На курсовых собраниях между отделениями разгорались ожесточенные бои.

Студенция требовала создания на факультете единого судебного отделения. Хозяйственники предлагали факультет прикрыть. Администраторы срочно просили переименовать свое отделение в отделение советского строительства.

Наконец, комиссия по реорганизации преподнесла «новую реформу факультета», составившая новый план, наводила его новыми дисциплинами. Упразднила самостоятельное существование хозяйственного отделения, влив его в судебное и наклепала ярлык «судебно-хозяйственное».

Но по судебной, так по хозяйственной, не по хозяйственной, так по судебной, зовь по окончании где-нибудь и ополчатесь.

Очевидно так рассуждала комиссия.

Если совправо I МГУ сейчас ставит вопрос об упразднении хозяйственного отделения, то совправо ЛГУ этот вопрос должен поставить еще шире. Факультет нуждается в крепкой академической и организационной установке. История показала неспособность деканата управлять факультетом. Меры, принятые комиссией по реорганизации, недостаточны. Попытка несомненно вновь введенных экономических дисциплин «экономизировать» совправо, не решает вопроса, а осложняет его. Требуется не техническое соединение экономических дисциплин с правовыми, а органическая связь между ними. Готовить убогого полудеониста, полужурista — пустая затея праздных людей, впадших в полное идейное ослепление.

Догматическая ветошь должна быть снята. Только с дилематическим паспортом факультет сможет существовать с пользой для республики.

ПРОШИН

МАССОВОЕ БЕГСТВО

В статье тов. Воднева «Учатся впускно!» поставлен вопрос, нужны ли советскому хозяйству юристкоуслуги. Весь ход рассуждения автора сводится к тому, чтобы доказать, что «фигура хозяйственника-юриста советскому хозяйству не нужна, а следовательно, «хозяйственно-правовое отделение перестало отвечать целям своего существования».

Вопрос имеет не местное, а общесоюзное значение. Кризис наблюдается не только на совправе МГУ, но в сщс, ЛГУ, в большей степени на ФСП ЛГУ.

В этом году началось массовое бегство с факультета в другие вузы. Тревога, растерянность и убеждение в неумячости, нежизненности и бесперспективности хозяйственного отделения охватила все курсы факультета. Падает стимул к изучению специальных юридических проблем, к занятиям относятся спустя рукава.

Работа деканата протекает без всякого плана. В течение года ни были созданы три различные учебные программы. Комиссия по реорганизации факультета приступила к работе также без всякой принципиальной установки. Учебная программа составлена без учета реальных средств и не может быть выполнена из-за отсутствия научных сил.

Основная ошибка факультетских комиссий по реорганизации хозяйственных отделений как в Москве, так и в Ленинграде заключается в том, что вопрос им разрешается в ударном порядке, без твердой установки, а, главное, без всякой согласованности как между собой, правительственными и хозяйственными учреждениями.

Специалисты, выпускаемые с хоозделения совправа, не соответствуют требованиям народного хозяйства. Факультеты совправа организовывались в первые годы нива с целью дать специальных работников в области товароборота. Быстрый рост общесоюзного сектора нашего хозяйства за последние годы видоизменил положение.

Юрист-хозяйственник нужен, но не такой, какого готовят факультеты совправа (чистого юриста правника). Необходимо экономист-юрист, так как правоотношения, как таковые, хотя еще и существуют, но все в большей мере заменяются и уступают место отношениям планово-экономическим.

Реорганизация факультета должна идти именно в этом направлении. Бывшее хозяйство необходимо организовать при экономических факультетах, создав экономико-правовые отделения.

А. В.

В ТУПИКЕ

В 1926/27 уч. г. в АГУ при Восточном факультете было организовано правовое отделение. В прошлом 1928/29 уч. г. это отделение было преобразовано в специальный правовой факультет. В настоящее учебное год на правовой факультет был такой наплыв абитуриентов (рабочих с производства), что пришлось открыть дополнительные курсы так называемых волнослушателей.

Но как при открытии факультета, так и при введении дополнительных курсов деканат факультета и правление, а вместе с ними и общественно-партийные организации (ГПФ, НКП, ЦК, АКП и др.) не позабылись о том, каких специалистов и какой квалификации будет выпускать факультет.

Правовой факультет имеет два цикла: судебный и адм.-хозяйственный. Первый из них как будто имеет целью дать работникам по линии НКЮ (судьи, следователи, прокуроры, защитники и т. д.), второй же цикл находится в положении льдины, плывущей по течению.

Программа факультета заполнена самыми разнообразными и в большинстве ненужными предметами.

С практикой вопрос связан. Студенты работают без плана, так как и распределение их на практику не готовилось. Определенных заданий они не имеют, и потому сов. и хозяйگران к практикантам относятся недоверливо и не желают их оплачивать и contracting.

Факультет готовит «спецов» без определенной специальности. Как будут именовать этих специалистов по окончании вуза? Этого, вероятно, не знает ни сам факультет, ни его деканат, ни правление АГУ, ни широкая советская партийная, профсоюзная общественность, и ни наши хозяйорганизации: тресты, ВСНХ, Госплан, предприятия, (т. е. те, для кого они выпускаются).

Факультету и его отделению должна быть дана определенная специализация, резко разграничивающаяся по отделениям, и вместе с этим в вуз вопрос должен быть поставлен вопрос об непрерывной производственной практике (по специальности) и уважке ее с учебой.

Еще в прошлом году декан факультета заявил, что нужны в юристах, хозяйственных и судебных не ошущается. И на вопрос студентов, куда они пойдут по окончании вуза, он ответил: «Постараемся куда-нибудь втереть».

Вот как в основном определяется нужда в этих яна все руки специалисты. Необходимо сейчас же, пока не поздно, реорганизовать факультет, надо провести резкое разграничение между циклом судебным и адм.-хозяйственным, который необходимо реорганизовать в хоз.-экономический факультет. Нужно выпускать не юриста вообще, а экономиста-юриста.

Плановое хозяйство требует наравне с инженерами, горняками, механиками и т. д. и инженеров-экономистов новой квалификации, работников организаторов планового хозяйства, администраторов и т. д.

У нас, в АССР и ЗСФСР, спрос на экономистов огромный и его надо удовлетворить. Этот вопрос должен быть обстоятельно обсужден и разрешен.

И. МАРШЕВ, Н. ПЛАТОНОВ

НУЖЕН КОВБУЗ

Организованный в 1926 году в Ленинграде ФСП расформировался, не успев сделать ни одного выпуска. Вместо трех отделений: судебного, хозяйственного и административного, организовали два: Судебно-хозяйственное и советского строительства.

Если вообще можно ставить вопрос о существовании данного факультета, то следует говорить лишь об оставлении одного судебно-хозяйственного отделения, которое вполне справится с подготовкой как судебно-административного работника, так и юриста-консультанта. Отделение же советского строительства должно быть преобразовано в экономическое. Только в таком виде отделение будет жизнеспособно.

Совершенно другое дело в области судебной и административной работы. Мы живем в период бурного роста социалистических форм хозяйства и одновременно обострения классовой борьбы, это только внутри страны, но также между страной строящегося социализма и капиталистическими странами. Следовательно, мы не гарантированы от интвенции и военного столкновения. Сейчас, как никогда, судебным и административным работникам должно быть предъявлено требование классовой четкости и бдительности.

Право было мощным оружием в руках пап, королей, буржуазии. Право должно быть мощным оружием и в руках пролетариата. Только с уничтожением не только каналов, откуда появляются классы, но и самих классов можно будет покончить с этим вопросом. А пока что надо передать монополию подготовки правовиков (не юристов—юрист—это начетник законов) комбузам, специальным факультетам советского строительства и специальным курсам.

Дни ФСП сочтены. Вопрос лишь в том, сегодня или завтра.

Лучше сегодня.

И. П. СМАГИН

ГНИЛАЯ СИСТЕМА

Обособленной консервативной, не приспособленной к участию в социалистической стройке оказалась университетская система. I МГУ—это только частный случай краха университетской системы, показавший, что в дальнейшем существование университетов в таком виде, в каком они существуют, невозможно.

Кризис в I МГУ назрел давно. Еще в прошлом году «Красное студенчество» в статье «Фабрика лишних людей» било тревогу по поводу существования этнофакультета. В начале этого года из физмата выделилось химическое отделение, преобразованное в химфак. Сейчас дошла очередь до хозправового отделения ФСП. Поголовное большинство студентов высказывается за уход в социально-экономические вузы, так как никакая реорганизация отделения не даст нужного эффекта, пока существует вся система.

Только уход всего отделения из I МГУ спасет стране сотни тысяч рублей, затрачиваемых на подготовку ненужных специалистов. В противном случае на бирже труда ежегодно будут появляться 200 человек со «специальным» образованием, которым остается только быть безработными.

ЛЫСНОВ

НЕ ФАКУЛЬТЕТ, А КУРСЫ

В «Красном студенчестве» была помещена статья тов. Воднева «Учатся в вузную», о кризисе положения на хозяйственном отделении I МГУ. По кризису и развалу работы не только в I МГУ, а и в других вузах. И не только на хозяйственном, но на факультетах совправа в целом.

Это и понятно. Быстрое сокращение товароборота в гражданско-правовом смысле у нас и замена его организационным плановым распределением продукции вынуждает похулу из-под всех остальных правовых отношений. Поэтому юристам-совправа, еще имеющимся в каждом хозпредприятии, терять свою основную функцию—оформление гражданско-правовых отношений между контрагентами госпредприятий.

Они из чистых юристов срочно должны превратиться в экономистов-организаторов, знающих не только законы, но и свое производство. С другой стороны, техника регулирования отношений между людьми посредством так называемого административного и уголовного прав (суд, прокуратура, органы управления) становится все проще и проще. Сейчас особенно ценен не юрист с высшим юридическим образованием, а грамотный рабочий-выдвигенец, так как важны не столько антагонистские законы, сколько классово-выдержанные пролетарии.

Существующая система высшего юридического образования должна быть в корне изменена и приспособлена к жизни.

Для хозорганизации нужны экономисты-организаторы с известным юридическим образованием. Их вполне сможет подготовить экономический вуз. Для судебной системы, прокурор и т. д. нужны грамотные классово-выдержанные работники—их дадут юридические годичные и двухгодичные курсы, соответствующим образом укрупленные. Работников высших судебных установлений должны дать юридические отделения комбузов.

Большинство же существующих сейчас факультетов совправа надо попросту закрыть, и в первую очередь производных, где нет марксистско-выдержанных преподавателей. В некоторых случаях можно реорганизовать их в годичные или двухгодичные юридические курсы, находящиеся в ведении НКЮ, состав которых должен комплектоваться на 100% рабочими и крестьянами с большим стажем партийной, общественной, производственной работы.

ШМУЛЕЙ

X
P
O
H
И
K
A

*Рабочие завода «Мно» вызваны Тимирязевскую с.з. Академию на шестую на Хоперском округе, и участие в осуществлении этого округа. Студенческие организации вызваны ударную бригаду для направления в Хоперский округ на производственную практику.

*С 1 декабря Захолоком совместно с аэрофлотом университета открывают в Тбилиси на средства ГАП коллективные курсы фабрично-заводские аэроном-полковники, имеющие высшее сельскохозяйственное. Сильнейший с.з. техникум производится и специальная хозэкономический.

*Совнарком РСФСР разрешил Наркомпросу открыть в этом году факультет молочного хозяйствования Московском зоотехническом институте.

Я знал только одного студента, заслужившего уважения и доверия. Он был известен тем, что избил до безчувствия двух педелей. Последний раз, когда я его видел, он работал шофером такси в Филадельфии.

— Алло, приятель,—крикнул он мне, подкатывая к тротуару.

И в ответ на удивленный взгляд добавил:

— Я покончил с колледжем.

Этот человек был матросом, призывным борцом, руководил стачкой на предприятии.

Он избил педеля в Харварде за пятнадцать расписок о его происхождении. Он продался то же с педелем легкой школы в Пенсильвании после пылкой дискуссии о галстуках, необходимости ношения которых он отрицал. Я видел рабочих ребят, приходящих в университет с шахт и заводов. Они выходили из университетов штрейбхерерами. Каждый университет Америки—школа штрейбхерера.

В 1925 г. во время всеобщей стачки английские студенты работали штрейбхерерами. Их американские собратья испытывали острую зависть.

В середине века студентов сжигали на площади за ереси. Они были смеельными и страстными еретиками. Еще не так давно студенты защищали свои революционные требования с оружием в руках. В них была твердость и мужество. Впрочем, есть еще люди и в американских университетах. В Мексике студенты разбили полицию и, выбрав красный флаг на здании университета, повели борьбу и добились победы. Это было бы невозможно в Соединенных штатах.

Девяносто девять и девять десятых процента студентов Питтсбургского университета никогда не вымолят слова ни о чем, касающемся питтсбургской стали и угля, потому что Энди Меллон—владелец шахт и рудников—купил университет субсидиями.

Девяносто процентов студентов—выходцы из мелкой буржуазии. Они поголовно стремятся попасть в ряды крупной.

Я делал отвод всем ссылкам на спортивные успехи университетов, как признак мужественности студенчества. Молодые буржуа зарегают жар чужими руками. Все студенческие команды держат на жалованьи профессионалов-спортсменов, тех же рабочих ребят.

Одно время у нас в университете шли боязливые толки о профессоре, по имени Скотт Ниринг¹. Никто не осмеливался громко о нем говорить. В памяти был свеж случай с Солем Ауэрбахом, ездившим со студенческой экскурсией в Советский Союз. Он осмелился громко рассказывать о своих впечатлениях. Ему предлагали либо замолчать, либо уйти из университета. Он выбрал последнее.

В Советском Союзе у меня живет дядя. До революции он был рабочим-кожевником. Читать и писать его научили в Красной армии. Теперь он изучает машиностроение в Ленинградском политехникуме. Он перепиывается со мною и письма его наполняют меня завистью и восхищением.

ДНО

«ОБЯЗЫВАЮТСЯ В ДОБРОВОЛЬНОМ ПОРЯДКЕ»

ПИСЬМО ИЗ ХАРБИНА

В понедельник 14 октября новое событие взволновало город. Повсюду заговорили об арестах, которые производятся среди студентов политехникума. Невысокое здание политехникума, однако помещившееся на южной окраине, с утра оцеплено усиленным отрядом полиции. Солдаты изрядно подпрогиде от ветра, бегущего с утра по городу, получили приказ держать оружие наготове.

Они хотят блеснуть великовостью—эти завязые бандиты-полицейские. Они ждут, пока наступит перерыв в занятиях, чтобы приступить к арестам. Повод. Нужен ли он? Впрочем, повод нашелся. Студенты политехникума категорически отказались вступить в добровольческие «батальоны смерти». Поистине непревзойденный приказ военных властей, обязывающий их к этому, достоин того, чтобы его привести целиком.

«Студенты политехникума гор. Харбина обязываются в добровольном порядке пополнить ряды «батальона смерти», организуемого для поддержания законности и поники преступников».

Приказ этот вызвал возмущение среди студентов, решивших на сходке «ни в коем случае не вступать в батальон даже при угрозе арестом». Начальник учебного отдела К.-В. ж. д. попытался повлиять на студентов. Он объяснял, что студенты, вступившие в батальон, будут освобождены от зачетов по некоторым предметам. Однако изменников среди студенчества не нашлось. Лишь несколько генеральских и офицерских сынков положили живот «на алтарь своего второго отечества». Они устроили жалкую манифестацию, пройдя кучкой в дождю человек по улицам Харбина с пением монархического гимна.

Когда стало ясным, что «добровольно» студенты не займутся «поддержанием законности, власти приступили к изложению мерм воздействия. Они оцепили политехникум и в возрасте первого перерыва принялись расстреливать «непкорных».

Началась расправа с китайскими сту-

дентами, которые также отказались вступать в батальон. Китайцы в большинстве дети железнодорожных рабочих—проявили изумительную выдержку. Они демонстративно жали руки русским студентам и говорили:

— Мы с вами вместе. Даешь отпор полиции!

«Даешь» китайцы переняли у русских комсомольцев. И слово это прокатилось среди китайского студенчества. Когда полицией начала выхватывать из толпы «агитаторов», вся масса китайцев с криком «даешь» бросилась на защиту своих товарищей. Завязалась жестокая борьба. Полицейские вынуждены были несколько раз отступить, пока не получили подкрепления. Тогда они с диким воплем рванулись в бой—избивая студентов и волоча их на улицу.

Там уже стояло несколько автомобилей, в которые солдаты усаживали сопрогивившихся студентов. Группа студентов подгадалась организовать митинг. Но свора полицейских с яростью бросилась на «заговорщиков», и вскоре площадь перед зданием политехникума опустела.

На дверях повисла печать коменданта, и у входа застыл в сознании собственного величия полицейский.

ПОДДЕРЖИМ

«ЮМАНИТЕ»

Политическая развитость пролетарского студенчества вполне достаточна. Оно наряду с учебной не отрывается и от общественной жизни. Об этом хорошо говорит собрание 11 декабря студентов-членов жилищно-бытового коллектива 5-го общежития МВТУ, которое решено в пользу сохранения коммунистической газеты «Юманите» отчислить 2% со стипендий. На собрании среди присутствующих в течение получаса было собрано около 1000 франков. Этому примеру следует последовать всему студенчеству остальных вузов.

В. НУРКЕВИЧ

ДЕМОНСТРАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

¹ Скотт Ниринг—известный экономист, друг Советской России, изгнанный из американских университетов. (Прим. переводчика.)

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

С идиллизмом провинциальной и деревенской жизни мы сможем поинтересоваться только тогда, когда вся масса неидиллизированной культуры и технической интеллигенции, которую фабрикует наша жизнь, будет равномерно распределена между городом и деревней, между провинцией и столицей. Случаи дезертизма окончивших советские вузы от работы в провинции достаточно часты, чтобы обратить внимание всей советской общественности на это явление. Борьба с ними нужно не только принудительными мерами (дезертерами, снятыми дезертиров с учета бирж труда и т. п.), но и средними общественного воздействия—агитацией.

Русская литература классическая, да и новая, советская, своим отталкивающим изображением провинции может вызвать в читателе какою угодно чувства, кроме меланхолии повесть паробата в провинции. Этому вопросу посвящена статья т. Вебера. Редакция идет откликать читателей с мест.

Тридцатые годы XIX в. Империя Николая Палкина. Страна, превращенная в огромную казарму, затянута в военный мушкетер, гремевшая во славу русского народа, прогоняемого сюда, строй российский крепостничества, торгового капитала и охранного отделения. Россия—огромный департамент с миллионом чиновников, управлений, приказов. Города и городишки—лишь отделения этого департамента.

Чащина—средоточие всех бед земных, всех мечтаный и чаяний—Санкт-Петербург. Центр с горящим фасадом самодержавия, дающим сумрачные тени вокруг, черную ночь над провинцией.

Наши писатели-классики исписали не одну тысячу страниц, рассказывая о жизни провинциального города. Их произведения стали уже историческими документами. Историки любят ссылаться на писателей. Нас приучили, и мы привыкли учиться у писателей.

Что мы знаем о дореформенной провинции, кроме того, что написал Н. В. Гоголь? Его описание губернского города в «Мертвых душах» или городка Миргорода дают нам яркую картину нищеты и убожества, смешанную с педантическим подражанием столице. Здесь и иностранец Василий Федоров и Аршанский портной.

«Чудный город Миргород. Каких в нем нет строений? И под соломенную, и под остререютю, даже под деревянную крышею... Везде прекрасный плетень; по нем вьется хмель, на нем висят горшки... Плетень всегда убранный предметами, которые делают его еще более живописным: или наплетенно платухо, или сорочко, или шароварины... Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь, полюбоваться видом; на ней находится жука, удивительная жука, единственная, какую только удавалось когда-либо видеть. Она занимает почти всю площадь. Прекрасная жука».

В таком провинциально-возвышенном тоне рисует Гоголь мерность и притупленность провинциального городка.

География сменяется описанием жителей. Истрепанная чинаша, подхалим, лизоблюд и взятчики. И ко всему этому—провинциальные дамы, местные аристократы, козыряющие знанием «света», мечтающие о гусях из столицы, дамы, живущие силетней, ссорами и малиновым вареньем.

К этому приятному обществу присоединяются приезжие из столицы: неудачник, шулера и авантюристы.

«Не могу вам сказать наверно,—пишет Гоголь,—о чем они говорили, но должно думать, что о многих приятных и полезных вещах, как-то: о погоде, о собаках, о женщине, о чепчиках, о жеребцах».

Духовное убожество, тупичая и пошлая жизнь и смешное подражание столице,—вот что такое провинция 30-х годов. «Свинные рыла», а не люди,—вот жители этих городков. «Сказано на этом свете, господи»,—заканчивает Гоголь, рассказывая о необычайных событиях, происшедших в Миргороде.

Конец 50-х и начало 60-х гг. Годы подъема революционного движения. Выстрел Каракозова, дни организации подпольных кружков, прокламация «Молодой России» и дни неистового «белого» террора. В борьбе с «вешателем» Муравьевым, олицетворяющим тогдашнее правительство, столица и университетские города жили напряженнейшей духовной жизнью.

А провинция? В эти годы знаток русской провинции, Салтыков-Щедрин, пишет: «О, провинция. Ты расглавеш людей, ты истребишь всякую самостоятельность ума, охладишь порывы сердца, уничижишь все, даже самую способность желать. Ибо можно ли назвать желаниями те медвежьи вождения, исключительно направленные к мате-

риальной стороне жизни, к доставлению крошечных удобств, которые имеют то неосознанное достоинство, что устраняют всякий повод для тревог души и сердца. Какая возможность развиваться, когда горизонт мышления так обидно суживается? Какая возможность мыслить, когда кругом нет ничего вызывающего на мысль?» («Губернские очерки».)

Печален удел человека, попавшего из столицы в провинцию. Он уже обречен. Его тихо и незаметно засасывает болото скудоумия, невежества и бесполокочивости: «Даже личность, одаренная более деликатными нервами, редко успевает отделаться от сокрушительного влияния этой миниатюрной и, по наружности, столь непривлекательной жизни. Не вдруг, а день за днем, воровски подкрадывается к человеку провинциальная вонь и грязь, и в одно прекрасное утро он с изумлением ощущает себя сидящим по уши во всех крошечных гнусностях и душевных злодействах, которыми изобилует жизнь маленького городка» («Губернские очерки».)

90-е годы. Русский капитализм спешит нагнать потерянное время. Растут фабрики, заводы, строятся железные дороги, создаются университеты... Ширится армия пролетариата, кипит волна стачек, цитируется Маркс, выходит «Протест российских социал-демократов», редактированный В. И. Лениным. Везде слышится: культура, цивилизация...

А провинция? В провинцию двинулись культурные силы насаждать просвещение. В провинцию потянулись учителя, врачи, агрономы. Что же они там делают, как живут?

Обратимся к нашему знаменитому бытоисследователю русской интеллигенции—А. П. Чехову. Читая Чехова, мы видим, что не культурные силы победили тысячелетнее невежество и мерзость запустения провинции, а наоборот—провинция целиком поглотила и растворила в своей ограниченных мещанских интересах многие и многие сотни нашей интеллигенции.

Мы видим докторов, поглощенных игрой в карты, вынимающих рюмочку за рюмочкой, сидящих в питейной с квартальным, и т. д.

Мечта многих—уехать в Петербург, в Москву. Скорее уехать из неважной провинции, где нет ни одного порядочного человека, кроме полковых офицеров, где гибнет талант, знания и чувство жизни.

— Да Господи в Москву!

— Да! Скорей, божье мой, мне Москва снится каждую ночь. Я совсем как помешанная. («Три сестры».)

Несбывшиеся, разбитые надежды и тихая жалоба трех сестер сменяется диким воплем учителя словесности из провинциального городка:

«Де я, божье мой? Меня окружает пошлость и пошлость! Скупые, ничтожные люди, горьочки со сметаной, кушینی с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тошнливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума».

Но вот история делает невиданный скачок. Глубокой осенью 1917 года Россия прыгает далеко вперед, поджогая штатками рабочей дружины, испуганная на смерть выстрелами с «Авроры». Фронт гражданской войны. Тяжелый, тягучий сон нашей провинции был нарушен кровавым бунтом, орудейной стрельбой, криками поражения и победы.

Векочные разговоры о городишках о жеребцах, вчерашнее преферансе и о последней любовной связи губернатора сменились речью о международном положении, о значении кооперации, цитатами из Маркса и Ленина, сменились декретом об обязательной грамотности. Для этого потребовались педагоги.

Разбуженная провинция почувствовала, что не может зализывать раны гражданской войны силами местных зна-

харей, недоучившихся фельдшеров или силами домашних лебедин, Потребовались врачи.

Тысячи новых фабрик, заводов, станций потребовали инженеров, техников и других специалистов.

Нужно! Необходимо! Просим! Требуем!

Но центр плохо выполняет требования провинции. Специалисты не хотят ехать.

Но почему? Говорят,—принцип много. Но об одной из них мы скажем сейчас.

Все специалисты читали и читают и Гоголя, и Салтыкова-Щедрина, и Чехова и многих других. Это—как бы обязательный минимум для каждого образованного человека.

Ну, скажите, кто захочет по доброй воле испытать на себе правоту наших классиков в описании провинции? Кому может прийти охота погрузиться в отвратительно клоунащее болотце с риском никогда из него не выбраться?

Но мы читаем ведь не только классиков. Читается и сочинения писателей. Читается и описания современной провинции. Посмотрим, что же здесь.

Лозунг «учиться у классиков» сделал свое вредное дело. Стали подражать без огиады. Усвоили себе не только классические приемы письма, но и манеру смотреть на вещи. Идут в окружающей обстановке то же, что искали классики, облюбовывают и смакуют то же, что было уже миллион раз описано нашими классиками. Другое же замечают и проходят мимо. Провинция так и осталась сборищем идиотов, авантюристов и чудаков. От революции остались лишь романтические фигуры гражданской войны. Дни мирного строительства и бытовые будни целиком заимствованы из архива русской литературы.

Возьмем несколько примеров наших современных писателей, печатающихся в толстых периодических журналах. «Жена» Третьяка. Инженер Грушин, фанатик своего дела, влюбленный в машину, по стоящий по колено в прошлом, слабый и колеблющийся человек. Окружите его новой, крепкой силой, заставьте работать в передовом коллективе, и его восприимчивая и податливая натура пойдет навстречу всем большим идеям наших дней. Но инженер Грушин работает в провинции. И здесь вырастает литературная трагедия. Автор окружает его меншенниками и аферистами, громадными ханжами, глупыми и развратными женщинами.

«В этой трясине нельзя работать»,—восклицает инженер. Да, это трясина. Клоака, в которой трудно найти «неверующего отца или неверующего сына». Где люди живут таким убеждением: «без тюремного стажа—ты не работник. Положиться на тебя нельзя».

В показе этих жуликов и духовных уродцев—центр пьесы.

«Честный рабочий» и резонирующая работница РКИ стоят вне этого центра. Они создают только советский фон и носят на себе функции добродетели, надувающей порок.

В рассказе П. Романова «Свой человек» рисуется молодой инженер, коммунист, приехавший к родителям в провинцию. Отец его—мастер чугунолитейного завода, вывозивший когда-то на тачке фабриканта, а теперь мужик с приобретательским инстинктом и упрямо враждебный всему советскому. Инженер попадает в родительский дом. Его коробят некультурность, грязь в доме и отсталость родителей. Он чувствует себя чужим: «В первый вечер было еще о чем говорить, было излишнее от возращения в родной дом... Но на утро уже как будто не находил, о чем говорить с матерью». Пропавшая все ширится. Сын редко бывает дома. Другим с заводскими комсомольцами. Но это уже выпадает из внимания автора, об этом только упоминается. Старик начинает раздражаться против сына. Отца стало злить, что сын его орянет. Неприятно ему будет видеть сложность внутренней жизни молодого инженера, многообразие ощущений, активное реагирование на события жизни. Между культурным сыном из столицы и его отцом нет ничего общего. Пропадая с отцом, сын говорит: «Я для них (комсомольцев—Ю. В.) свой человек, а ты мне чужой».

Дм. Еремин, изображая в рассказе «Соседи» жизнь провинциального города наших дней, облюбовывает себе образы, которые литературная традиция утверждала как «провинциальные».

Фекстист Фомич—типичный гоголевский чиновник, но работающий уже не в дореформенной канцелярии, а в советском заге.

Его жена—Годинаудна Карлова—олицетворение всей сестроты и жуты провинциальной семейственности.

Фоня, Леополюдовна—страдающая «пылкой страстью» к Фекстисту Фомичу, слово почти совершенно анекдотическое, как рекомендует ее сам автор.

Интересы жителей советской провинции ничем не отличаются от всем известных любовных и глупых героев гоголевских рассказов и повестей.

«Всякая парочка, вступающая в брак, разводясь ли—проходила через его деволитые руки в загсе, и любовные подруги жены его не меньше трех раз в неделю прибегали узнать: не развелся ли кто, не женился ли кто, не родился ли кто, не умер ли кто? Эти известия обегали город с быстротой невзвешанной...»

Можно подумать, что читатель не послереволюционный автор, а перефразированные «Мертвые души».

Сплетя—любимое занятие жителей этого городка: «Каждому в городе было известно игристый стихотворец, посвященный Фекстисту Фомичу и влюбленной сестре... Автор рассказывал неправдоподобную историю о том, будто видел Фекстиста Фомича почтой, вылезавшего из окна сироты во всем белом, с кружкой козьего молока в руках, которое было для него условной платой за известные одолжения...»

Героиня рассказа читает: «Глухие тайны первой брачной ночи или подарок неонатным девушкам».

Город грязен, запущен, и тем Гоголя витает над ним: у дверей совета «разлившись в мутное озеро, перед самым порогом раскрытых дверей блестела огромная дужа, и кучка приехавших по делам каляинских мужиков веселыми прибаутками провожала скачущих по дуже слушающих».

Тот же автор начинает свой другой рассказ так: «Городок наш невзрачен и незаметен... Живут в нем люди неизвестно чем, тихо и незаметно, скрывая свой век семейными баюками да приятными лицами надоевших гостей...» («Второй период»).

Перед нами еще рассказ Глеба Алексеева «Обреченная». Говорится в нем о двух девушках, кончивших медико-педагогический институт. Одна из них вышла замуж за инженера и уехала в провинцию. Пишет письма своей подруге. Описывает окружающую ее обстановку: «Наши дамы (этот термин сохранился во обстановку «неприспособленности») говорят только о дровах, о тепле, о том, что в нашем П. не так шумно, как в Москве, рассуждают о рукоделье и о каких-то аппликациях; в их разговорах принимаю детальные участие и мужья (вспомни губернатора из «Мертвых душ»).

Увы, к сожалению, вспоминаем. Скажем еще и о Л. Леонове. Есть у него рассказ «Провинциальная история». Само название уже указывает на некоторый обобщающий смысл этого произведения. Описывается городок Воцанск. Что же привлекает внимание автора?

Сумасшедшие происшествия в сумасшедшей семье некоего Пустынова, рассказанные полусумасшедшим стариком Амахазиловым. Населен этот мир бредовыми уродцами, купеческими дегенератами, растратчиками и всякого рода «стрекуламстам».

Городничка наш захудалый, и жители все дураны... мы рождаемся и умираем в ней (в пустыне этого городка Ю. В.) востину подобно тех колочим уродцам, которые населяют заправдавшие пустыни».

«То была граната, начиненная вырожденцем и наследственным алкоголизмом»,—вот характеристика одного из героев рассказа.

И обязательная грязь здесь. И особое мнение о подлеще, которого считают «грозом по воцанским масштабам».

Единственное человеческое лицо (а не «воцанские хари») в этом рассказе—студент Яков и девушка Лиза, должны уехать из городка, чтобы не погибнуть в его злоновой и преступной атмосфере. Они уехали «в новую жизнь, к успехам и победам, уехали Яков с Лизой, порывав лупину с Воцанском...».

Стоит ли еще умолять примера?

Итак, перед культурными, честными и одаренными людьми, попавшими в провинцию, стоят только два пути, как это дают в большинстве случаев наши писатели: или опуститься в окружающую тину, сродниться с жалкими выродками, населяющими провинцию, самому, в конце концов, превратиться в такого же духовного уродца, или—удирать без оглядки в центр, к культуре, к свету, ко всему, что создано творческим разумом человека.

Другого пути наши современники-писатели не дают. Все те положительные силы, которые изредка появляются в подобных произведениях, сухи, безжизненны, движутся где-то вдали, похожи на маневенов, одетых в людские одежды.

Когда читатель вспоминает провинцию, эти мертвые фигуры остаются забытыми, зато с удивительной яркостью и живостью выползает в воображении читателя различные хари и рыла, жабы и гадя в человеческих образах, которым писатели дали название провинциального жителя.

Страшно и жутко ехать в провинцию, читать наших современных писателей.

ПАПИРОСНИЦА ОТ МОССЕЛЬПРОМА

Вечер опустился на город синюю вуаль. На улицах весело журчали ручейки, пахло навозом, сырой землей и еще чем-то свежим, весенним... Анна Васильевна Чебунина вышла из ворот 1 Московского государственного университета и, к удивлению прохожих, весело запырала, затем повернулась и, громко напевая «Стачкины граненые», побежала домой...

Дома было очень-очень уютно. Люстра, окутанная голубым шелком, мягко освещала нежные обои, огромного сибирского кота и плюшевое кресло.

Степан Михайлович—муж Анны Васильевны—сидел у миниатюрного письменного стола и сосредоточенно смотрел вверх на висащие на стене портреты бабушки и дедушки.

В комнату вприпрыжку Анна Васильевна. Скинув шубку, она бросила ее на кровать и побежала задергивать на окнах занавески.

— Аничка, сколько раз я тебе говорил, не клади ничего на кровать, ведь покрывало мнется!—недовольно сказал Степан Михайлович, вешая женину шубку на гвоздь.

— Ах, Степа, какая проза!—воскликнула Анна Васильевна, нежно прильнув к мужу.—Пойми, ведь сегодня я окончила и получила медицинский факультет!.. Я доктор, доктор, доктор...

Здесь Аничка так же, как и у ворот университета, захлебнулась от радости, подскокнула вверх и проделала в воздухе сложнейший пируэт.

— Аничка, поздравляю от всей души! Через год и я кончу... Вот заживем! А где новая печать?

Анна Васильевна извлекла из кармана коробочку и вынула оттуда изящную печать. Затем супруги сели за стол, взяли стопу бумаги и начали «печатать». Через короткий промежуток времени листы покрылись аккуратными кружочками: «Врач Анна Васильевна Чебунина».

Кто знает, какие мысли носились в это время в головах Анны Васильевны и Степана Михайловича? Может быть, им грезились собственный врачебный кабинет с толстыми альбомами на столах приемной и с румяной горничной? Если так, то, увы, они забыли, что врачи требуются не только на Тверской улице в Москве, но и в провинции, в многочисленных деревнях...

Да, это так. Но все же, мы с грустью утверждаем, что Анна Васильевна безработная.

Она не хочет ехать в провинцию. Ей обязательно нужна Москва. Ее не трогают цифры смертности в деревнях, не трогают, что в эпоху строительства социализма знахарки лечат крестьян зельем, что на языки накладывают конский навоз, а струящуюся кровь останавливают паутиной...

У Анны Васильевны очень уютно в квартире, она не может оставить розовые занавески на окнах, никелированные пишечки на новенькой двухспальной кровати и уехать в провинцию.

— Ни за что, ни за что не поеду на проклятую периферию!—заявила она недавно, патетически ломая руки.—Лучше уж я буду лотошницей Моссельпрома!..

Бедняк! Она ведь может отморозить себе пальчики с розовыми ноготками... А «бывшие люди» будут проходить мимо ее лотка и говорить:

— Видно, интеллигентная... Вот до чего ее большевики довели!

Муженек ее, Степан Михайлович, тоже не хочет ехать «на проклятую периферию».

— Я уж в крайнем случае буду фельдшером на Каначиковой даче, но из Москвы не уеду,—говорит он.

— Нас не могут заставить уехать в провинцию,—истерически вторит ему Аничка.—Я не стипендиатка, беспартийная, меня не могут заставить!

Анна Васильевна и Степан Михайлович не могут ехать в провинцию без принудительных мер. Но может быть они думают, что партийных врачей отправляют в деревню под конвоем? Они не знают, что при распределении последнего выпуска врачей многие окончившие проехали отправить их в ту деревню, где работы больше.

Ну, что ж, оставайтесь папиросницей от Моссельпрома, Анна Васильевна! А вы, Степан Михайлович, ведь мужчина, покрепче будете, вам определенно найдется работа по разгрузке вагонов на вокзалах.

Отделаетесь от работы, отдохнете дома на плюшевых креслах, при голубом свете люстр. Ветер будет нежно колыхать занавески, синий вечер напомнит вам весенний, как тогда...

БОР. СОЛОНЧАН

Все это было в прошлом году весной. Но прошло несколько радостных дней и, как говорили в старину романисты, «наступила серая действительность». Говоря же нашим языком, Анне Васильевне, получившей звание врача, следовало приступить к работе.

Распространяется здесь о том, как много нам нужно врачей,—значит, вызвать недовольство редактора. Это и так хорошо всем известно. В провинции врачей слишком мало. Они работают в своих районах дни и ночи.

Деревня ждет врачей, армии новорожденных—как много их умирает!—ждут своих спасителей. Деревне, переходящей на рельсы социализма, нужно очень много здоровых людей.

Однако Анна Васильевна с весны прошлого года без работы. Мы уже слышим возражения:

— Враки! Не может быть! Ведь всем известно, что нам требуется очень много врачей!

ХОРОШЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ СОВЕТСКОГО СПЕЦИАЛИСТА, НА КОТОРОГО ГОСУДАРСТВО ПОТРАТИЛО ТЫСЯЧИ РУБЛЕЙ...

ОБЕСКРОВЛЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

В Москве несколько десятков тысяч специалистов: инженеров, техников, химиков и др. Из них 48 процентов работают в аппарате и 52 процента — на производстве. Не считая тех немногих специалистов, которые заняты на проектировочных работах, т. е. так или иначе реализующих свою специальность, значительная часть остальных превратилась в канцеляристов и постепенно теряет свою квалификацию. Хозяевам мечутся из стороны в сторону в поисках за техником и инженером, страницы газет заклеены объявлениями: «требуется, требуется, нужен инженер, в отъезд, в Москву, цеха вынуждены «обойтись» без инженера, тресты подставляют друг другу ножику, переманывая сбега на большой оклад. Специалисты нехватает. Но 48 процентов их роется в бумагах, сидя за письменным столом, не любя производств. Известно, не мало фактов об «окапавшихся за удобными шведскими столами».

В настоящее время при всех бюро ИТС союзов созданы пятерки, которые занимаются проверкой специалистов и намечают перевод их на производство и в провинцию. По облатдеу совторгслужащих насчитывается 2 тысячи инженеров. После постановления СНК СССР о переброске специалистов на производство, по союзу совторгслужащих добровольно согласились перейти на производство 10 человек (данные конца ноября).

По облатдеу металлостов насчитывается 5 982 инженера. Треть из них работает в учреждениях. Добровольно согласились перейти на предприятия 25 человек.

По союзу химиков нашлось 14 добровольцев из 1 060 человек, для работы на предприятиях.

Такое же соотношение добровольцев

к общему количеству специалистов существует и по всем другим союзам.

Союзы в один голос говорят одно: хозяйственники самым ожесточенным образом отстаивают намеченных к переброске и не отпускают добровольцев на производство.

Так в ЦБРИЗе (Центральное бюро реализации изобретений) имеются несколько добровольцев. Их не отпускает правление.

Крупный спец из Шелкогresta поддал заявление о переводе его на Кавказ. Правление Шелкогresta отказалось отпустить его.

В Лыногreste трое технорукв изъявили согласие работать в Серпухове на фабрике, но их тоже не отпускают, ссылаясь на нужность их для учреждения.

Такие примеры неперечислимы. Сам ВСНХ, в котором была создана комиссия по реализации постановления Совнарком о переброске инженеров на производство, в своих недрах держит 600 инженеров. Из них 99 процентов не соглашаются добровольно перейти на производство. ВСНХ может безболезненно для работы своего аппарата отдать промышленности 90 человек. В настоящее время комиссия уже наметила к переброске это количество инженеров.

Тресты на создаваемых совещаниях иногда вместо помощи союзам заявляют, что они не отпускают специалистов из своих учреждений. Так было в союзе текстильщиков и в др. союзах. В результате — до смешного мизерные цифры добровольчества да робкие шаги по «принудительно-добровольческой» переброске.

Московское отделение МВБИТА просит Наркомтруд издать постановление о прекращении приема на работу в

учреждения молодняка, не имеющего трехгодичного производственного стажа. Мы всецело поддерживаем это ходатайство. В настоящее же время тресты продолжают набирать специалистов в учреждения, без достаточной на то необходимости. Человек, получивший высшее образование, без труда может быть заменен в учреждении сотрудниками без специальной подготовки. В трестах, по союзу химиков, например, есть немало специалистов, потерявших квалификацию. ИТС этого союза нашло нужным предложить МВБИТУ создать курсы по поднятию квалификации специалистов, прежде чем рискнуть отправить их на производств. Специалисты вне производственной обстановки забывают особым видом анемии: потерей приобретенной квалификации. Учреждение обескровливает специалистов.

Характерный пример: один честный специалист, проработавший 20 лет в учреждении, решил исправить свою ошибку и перешел на завод. Ему дали сначала неотвественную работу, потом он стал заведывать цехом. Не имея практики, этот инженер стал выпускать брак из своего цеха — обща добросовестных фабрикатов.

«Случай» с инженером — общая судьба всех специалистов-учрежденцев, не имеющих практического стажа и потерявших квалификацию.

При громадном голоде на инженерно-технические кадры нам нужны только полихронные специалисты без всякого учрежденияческого стажа.

Учрежденческого зурба-специалиста нужно выдернуть из-за письменного стола и посадить его туда, где он более всего нужен — в заводский цех командовать производством, а не населяем машинистского бюро.

Л. Бранин

В ВСНХ 600 ИНЖЕНЕРОВ...

НЕПРЕРЫВКА, УЧОБА И ОТДЫХ

С первого декабря настоящего года большинство наших высших учебных заведений перешло на непрерывку. Это настолько важный шаг в жизни нашей высшей школы, что заслуживает и требует гораздо большего внимания, нежели то, которое мы уделяем ему сейчас. Сугубо неправильно рассуждают те товарищи, которые видят в непрерывке только увеличение количества учебных дней в наших вузах. Непрерывка—это начало большой революции в академической жизни, в быту нашей высшей школы и нашего студенчества.

Подходить к этой революции и совершать эту революцию надо и тактически и стратегически очень умело. Опыт непрерывки некоторых соучреждений уже вочью доказал нам, что при правильной организации непрерывка может принести огромнейшую пользу.

Установим, какую пользу может принести правильно организованная непрерывка нашему студенчеству.

Во-первых, непрерывка дает студенту более частый отдых, а Ноут (научная организация умственного труда) целым рядом исследований давно уже твердо установила, что более частый хотя и менее длительный отдых полезнее для человеческого организма нежели более редкий, хотя и продолжительный отдых—и весьма понятно почему—во время отдыха из организма человека удаляется кенотоксин—яд утомления, а с точки зрения физиологии полезнее, чтобы этот яд удалялся возможно чаще, хоть и в меньших дозах—это дает возможность организму восстановить силы и снова бросить их в работу.

Далее непрерывка представляет нам отдых именно в тот день, когда работоспособность нашего студента падает максимально. Это подтверждается следующей интересной таблицей работоспособности по дням недели, составленной Германским Институтом Труда—на основе длительной проверки работоспособности по дням недели большого количества германских студентов.

Эта таблица устанавливает, что в понедельник после 42-часового отдыха, как это ни странно на первый взгляд, работоспособность студента особенно в утренние часы понижена (к усаению причин этого интересного явления и к выяснению значения его для правильной организации непрерывки мы еще вернемся), вторник дает максимальную работоспособность, среда дает первое незначительное понижение работоспособности. Вторник и среда таким образом могут считаться лучшими днями недели по своей работоспособности, четверг уже дает весьма значительное падение работоспособности и вот, если в пятницу дать некоторую недогрузку в работе, то в субботу (говорит Германский Институт) мы можем надеяться на новую вспышку работоспособности. Конечно, и в этом случае работоспособность в субботу нельзя сравнить даже с работоспособностью понедельника, потому что мы тут имели не 42-часовой отдых, а только некоторую недогрузку в работе, но важно отметить, что уже одна недогрузка может дать новую вспышку работоспособности.

Если перевести эту семидневную неделю Германского Института на нашу пятидневку, то мы получим такую картину—в первый день после дня отдыха особенно в утренние часы мы будем иметь некоторое понижение работоспособности, во второй и третий день после дня отдыха мы имеем максимальную работоспособность—это лучшие дни пятидневки и в эти дни наши студенты должны были бы взять максимальную академическую нагрузку, в четвертый день после дня отдыха мы имеем значительное падение работоспособности. Вместо предлагаемой Германским Институтом недогрузки пятого дня семидневной недели, мы при нашей непрерывке превращаем пятый день в день полного отдыха, т. е. даем возможность организму удалить те остатки кенотоксина, которые собрались в нем за 4 дня умственной работы. Мы говорим «остатки», потому что кенотоксин удаляется из нашего организма ежедневно ночным сном, но не полностью—часть кенотоксина все-таки остается, и по прошествии примерно четырех дней очень полезно дать возможность организму полностью очиститься от этого яда.

Далее при непрерывке наш студент каждый пятый день, если можно так выразиться, полностью принадлежит самому себе. Он может в этот день не посещать лекции, не бывать на семинаре, словом, не выполнять ничего обязательного, что порою тяготит и иногда мешает творческой работе, но зато он имеет возможность в этот день мысленно подытожить пройденное за предыдущие четыре дня и наметить работу на предстоящие четыре дня. Такое психическое подытоживание пройденного и наметка плана работы на будущее имеет огромное значение для правильной проработки и глубокого усвоения нужного нам материала. Мы знаем, что интенсивное укрепление в нашем сознании того или иного материала требует двух условий: устойчивого первоначального восприятия и более или менее частого подновления уже запечатленного в нашем сознании. Пятый свободный день и дает нам возможность исподволь подновить раз полученные впечатления.

Из науки о памяти мы знаем, что между проработкой двух каких-нибудь предметов или двух рядов дисциплин весьма важно оставить некоторый промежуток времени для того, чтобы: «старый материал успел физиологически укрепиться в нашем сознании и как бы представить свободную жилищную поверхность материалу».—С этой точки зрения полезно, например, вечером поработать над одним предметом, а утром над другим—тут ночь играет роль того промежутка, о котором мы только что говорили, пятый свободный день, конечно, блестяще сыграет ту же роль.

Еще очень важно отметить и следующий момент. При семидневке наш студент отставал в общеуниверситетском своем росте. Из нашего прошлогоднего обследования студентов кончивших некоторые из наших московских вузов выяснилось, что 80% нашего студенчества, пробывшие пять лет в Москве, фактически не

использовали всех культурных богатств центра СССР, не побывали в целом ряде научных учреждений и организаций, фабрично-заводских предприятий, коммунальных предприятий, оганов нового типа, которые должны интересовать студента любого факультета, если он не собирается запереться в четырех стенах своей узкой специальности. Все это случилось потому, что студенту просто не хватало времени, не было свободных дней кроме воскресенья, а в воскресенье учреждения и организации были вовсе закрыты, а многие битком набиты экскурсантами. Отметим тут же, что наше предложение получить общую широкую культурную подготовку не противоречит положению Маркса: «Без ограничения сферы своей деятельности нельзя в жизни сделать ничего замечательного», ибо это положение следует понимать в расширенной формулировке Тимирязева «Знай все об одном и понемногу обо всем»; ибо каждый будущий специалист должен обладать наряду с специальными знаниями широким общественно-политическим кругозором.

Теперь остановим свое внимание на том, какую огромную пользу может принести правильно организованная непрерывка всей нашей высшей школе в целом.

При переходе на непрерывку мы увеличиваем количество учебных дней в году с 210 до 278, причем мы не отказываемся от летних каникул, на которые отводится 62 дня, и от зимних каникул, на которые отводится 20 дней, и от революционных праздников, на которые отводится 5 дней. Единственно от чего мы отказываемся—это от престольных праздников и слишком длинных каникул, которые несомненно разлагают в организационном (организация труда) смысле наше студенчество.

Затем если мы организуем непрерывку так, что не все студенты данного учебного заведения будут отдыхать в один и тот же день, а каждый факультет и каждый курс будет иметь свой определенный день отдыха (тут надо действовать очень осторожно, чтобы это не лишило дня отдыха нашу профессию), то мы значительно увеличим пропускную способность наших университетских кабинетов, мастерских, аппаратуры и тех заводов и фабрик, к которым прикреплены студенты для практики.

Непрерывка может положить конец очередям в химичку, в чертежные классы, в анатомичку. Каждый микроскоп, каждый циркуль, каждый пинцет сможет обслужить на 20—30% больше студентов, чем он обслуживает сейчас.

Далее если только правильно организовать и подсчитать часы работы профессором, ассистентов, преподавателей, то непрерывка может дать более частый и своевременный отдых и нашей чрезвычайно загруженной профессуре, правда для этого необходимо шире, чем сейчас, открыть двери сотням новых ассистентов, значительно увеличить кадр профессором и приват-доцентов.

Но все эти блага непрерывки могут быть нами использованы только в том случае, если мы самым строгим образом будем соблюдать следующие основные правила:

1. День отдыха должен быть во что бы то ни стало использован студентом. Для этого требуется строгий общественный взаимоконтроль—один товарищ останавливает, запрещает другому товарищу работать в день отдыха, выносит на суд общественности небрежное отношение его к нашему революционному нововведению в тех учебных заведениях, которые уже перешли на непрерывку.

Уже же самое, конечно, касается и нашей профессуры. Учебные части вузов должны всячески следить за тем,

чтобы день отдыха профессора был сохранен полностью, чтобы в этот день не назначались заседания и методические собрания, на которых должен присутствовать данный профессор. Для этого надо непременно принять меры к выдвинутым в качестве помощников нашим профессорам новым преподавательским силам. Только эта мера может обеспечить профессору полный день отдыха, так как если даже прикрепить профессора к одному учебному заведению и к одному факультету (что в течение ближайших лет будет почти невозможно сделать), профессор может не соблюдать свободного дня, так как он преподает на различных курсах одного и того же факультета или занят в различного рода методических комиссиях, которые заседают как раз в день его отдыха, а мы знаем, что выйти на одно два заседания это значит фактически расстроить весь день отдыха.

II. День отдыха и студента и профессора должен быть возможно лучше обставлен с точки зрения культурного времяпрепровождения. Выше мы уже указывали, что в понедельник, в утренние часы работоспособность студента несколько понижена. Главной причиной этого явления следует считать ничегонеделание, неорганизованное времяпрепровождение в воскресенье.

Непрерывка может только помочь, а не помешать, как думают некоторые, лучше организовать досуг нашего студента. Раньше все студенты отдыхали в один день, и студенческому клубу, конечно, не хватало ни помещения, ни сил, чтобы всех удовлетворить. Теперь же наш клуб должен обслужить только пятую часть студенчества данного вуза, а это уже совсем другое дело. Раньше большинство нашей профессуры посещало театр обыкновенно в субботу или в воскресенье вечером и достать ни билеты на этот день было трудно, сейчас это дело организовать гораздо легче; раньше было весьма трудно в воскресенье попасть в какой-нибудь музей, особенно если студент хотел не только слегка познакомиться с экспонатом музея, но более или менее внимательно изучить их, теперь при переводе музеев на непрерывку каждый день их посещает только одна пятая часть количества людей, которое их посещало раньше в воскресенье, и это облегчает нашим студенческим культурным организациям широко развить столь важную экскурсионную работу.

III. Надо будет, чтобы в день отдыха студент и профессор отдыхали не только от академической работы, но и от всякой общественной вневузовской работы, только такая постановка дела даст настоящий отдых. Конечно, если студент и профессор в день отдыха рано утром потратят 2—3 часа на ликвидацию хвостов или подготовки к предстоящей лекции, то от этого большого вреда не будет, наоборот, это расположит к отдыху, даст как бы моральное право на отдых и пробудит веру в собственные силы и возможности, а такое настроение, как мы знаем, только содействует и правильной организации труда и правильной организации отдыха.

IV. Последнее, на что надо будет обратить серьезное внимание, это чтобы дни отдыха были установлены раз навсегда (речь идет не об определенных днях, а об определенных числах). Это дает некую психическую и ритмическую подготовку ко дню отдыха. Сейчас же пока мы в вузах имеем «скачки», частую смену дня отдыха, студент не знает заранее, когда он будет отдыхать, не успеет психически подготовиться ко дню отдыха и поэтому нерационально использует его.

Дельцы науки

Хмурое небо, сырой воздух, пронизывающий ветер. Обычно в такую погоду лишь Полозов становился землисто-серым, тело—зябким, и Полозов наглухо закутывался в изношенное пальто. На этот раз улыбка не покидала Полозова. Он не замечал холода: пальто его было распахнуто. Он шел быстро, толкая прохожих, и что-то бормотал. Вот и его дом; до комнаты—четыре этажа, шесть маршей лестницы, восемьдесят четыре ступени, но мигнута—и Полозов уже на площадке своего этажа. Еще несколько секунд—и жена ворчала в его буйных объятиях:

— Очумел, что ли?

Оставив жену и протачновав чечетку, Полозов сказал:

— Ну, теперь мы живем. Кричи ура... Ура!—крикнул он сам и, подхватив жену за талию, стал подбрасывать ее вверх.

Жена была в плохом настроении. Холод в комнате, отсутствие дров и единственный подтипник в кармане—все это не могло веселить. Она сердито сказала:

— Перестань дурачиться, говори по-человечески, что произошло.

— Ну, ну, не сердись,—сказал Полозов.—Я затем и бежал быстро, чтобы тебя порадовать. А радость какая!.. Я буду получать полтораста рублей в месяц... полтораста, а? Ну, подумай, можно ли от такой радости говорить все сразу?.. И за что буду получать-то, вот чудеса... Ты послушай только...

— На службу поступил?—с тревогой спросила жена и, не дожидаясь ответа, добавила:—Ты же не кончишь Института. Мы и лишняя все перенесли лишь из-за того, чтобы ты занимался исключительно учбой, а не служил.

— И на службу и не на службу. Я буду служить, но буду делать на этой службе свою работу, дипломную, понимаешь, студенческую работу. Осознаешь разницу? Если бы я дипломную работу выполнял в своем Институте, то мне ничего бы не платили за это, а в Исследовательском институте, куда я поступаю, я буду делать ее же, но мне и деньги будут платить. И все оттого, что моя работа будет протекать не в одном, а в другом здании. Ловко устроилось?

Жена повеселела, и они вдвоем оживленно обсуждали вопросы, которые еще сегодня утром казались неразрешимыми, и только за скромной закуской, когда все

было переговорено, Полозов рассказывал о своей будущей работе.

— Это, видишь ли, получение синтезом мочевины. Что такое мочевины и кому она нужна? О, это важный продукт для многих производств, но самое главное—она самое лучшее удобрение. Самое лучшее!—повторил он возбужденно.—По количеству азота она превосходит все другие азотистые удобрения. В селитре, самом лучшем азотистом удобрении, азота всего лишь шестнадцать процентов, а в мочеvine этого азота сорок восемь процентов! В три раза больше, чем в селитре. Транспорт ее, следовательно, в три раза дешевле, чем селитры, считая на единицу азота. Кроме того азот мочевины пацело выбирается растениями. Но это еще не все: удобрение это самое дешевое, оно делается буквально из ничего: из топлива—из любого, хотя бы из торфа—и из воздуха. Через три-четыре года страна потребует не тысячи, а миллионы тонн искусственного удобрения. Из этих миллионов тонн добрых сорок процентов придется на азотистые удобрения, а так как из этих удобрений лучшим и по качеству и по экологичности является мочевины, то... Ты можешь себе представить ряд заводов, которые изготавливают мочевины по моему способу. И мое имя, имя Полозова, будет известно всему СССР, и даже всему миру!

Опьяненный такими широкими перспективами Полозов рыбно принялся за работу. Даже десятидневные поиски баллонов с угольной кислотой и с аммиаком не ослабили порыва его к творческой работе исследователя. Автолавк и шланги для подвода в него угольной кислоты и аммиака из баллонов, а также электрическая печь нависли в самом Институте.

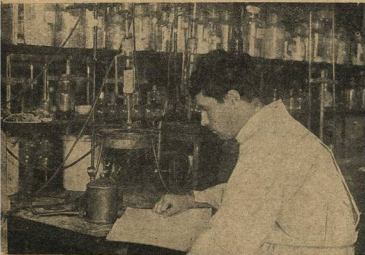
— Конечно,—устанавливая в лабораторию приборы, говорил Полозов Плоткиной, научной сотруднице Исследовательского института,—синтез мочевины из угольной кислоты и аммиака не нов. Он известен давно, но выход мочевины бывал настолько незначителен, что практического применения этот синтез не имел. Я буду вести синтез под давлением. Это ново. Неизвестно еще никому, как идет реакция под давлением. Моя задача исключительно практическая: определить, при каком давлении, или, что то же, при какой температуре получается наилучший выход мочевины. Иначе говоря, я должен дать прямые указания будущему заводу, при каком давлении и температуре надо работать, и все основные цифры, необходимые для расчета заводской аппаратуры и проектирования самого завода.

— Я боюсь...—начала было Плоткина, но сильный кашель прервал ее речь; тщедушная ее фигурка тряслась от кашля, и она, чтобы не свалиться, сошла с табурета. Она стояла на нем, наблюдая за показаниями термометра и манометра, торчавших на высоком котелке. Полозов никогда не слышал такого кашля; он серьезно обеспокоился и проговорил было:

— Вам надо идти к доктору. У вас кровь может протечь.

Плоткина не ответила и только головой качнула. Кашель продолжался минут пять, но Полозову они показались вечностью. Он знал, что поверхность легких, омываемая при дыхании воздухом, равняется огромной площади, кажется, в двести десятин; знал также, что в легких воздух отделяется от крови тончайшими, еле видимыми на глаз, стенками и что при кашле эти стенки испытывают колоссальное давление.

— Нет ничего удивительного, если кровь у вас хлынет изо рта!—крикнул он.

А примус Плоткиной тем временем шумел, и нагреваемый им закрытый котел стал дрожать от заклокочавшей в нем жидкости. Полозов ощутил острый запах. Еще мгновение — и он почувствовал резкий ожог в носу; сильным чиханием реагировал нос на страшную боль. Плоткина спохватилась; не переставая извистаться от кашля, она ударом руки выбросила примус из-под котла; успев крикнуть: «Отойдите!» Полозов увидел ее лицо: продолговатое с впалыми щеками и острым подбородком, оно было болезненно-красное.

— Что это за адское варенье у вас? — спросил Полозов, когда Плоткина перестала кашлять.

— А!.. — с горечью произнесла Плоткина, тоскливо махнув рукой. — Курпузол несчастный.

— Это что за изделие? — спросил в смущении Полозов.

— Ну уж об этом стыдно не знать. Во-первых, он в любом курсе органической химии описан, это альдегид, с едким раздражающим запахом, разрушающим все органическое; во-вторых, об этом курпузале за последние два года наши газеты писали десятки раз, и всегда одно и то же с одним и тем же крикливым заголовком: «Знаменитое открытие». «Знаменитое» открытие не менее «знаменитого» профессора Воронцова. Неожиданная слава Воронцова вскружила голову моему профессору Беляковскому. Воронцов открыл курпузол в лыжной костре, а Беляковскому пришла в голову... мякина. И вот я добываю курпузол из мякины. Удивляюсь, почему не из павоа?

— И что же, есть он в мякине?

— Это именно он пощипал вас сейчас, а что касается меня, то кажется, что мои легкие нацело сожжены этим альдегидом. Теперь и Беляковский стал «знаменитым». Как же — открыл курпузол в мякине. Велико открытие, если давно известно, что курпузол находится решительно во всех растениях.

— А почему он летит из котелка? Ведь котелок залужо закрыт? — спросил Полозов.

— У котла крышка плохая, — ответила Плоткина. — Сделали ее из нескольких частей, на заклепках; наша мастертская, очевидно, никогда не имела дела со сплавлением и совсем незнакома с подчеканкой; швы получились неплотными; курпузол же страшно летуч.

— Ну это знаете... — произнес было Полозов и задумался. — Это уж никуда не годится. Вы же окончательно оравитесь.

Вдруг он оживился:

— Послушайте, ведь есть же вытяжные шкафы. Работайте под вытяжным шкафом.

— Ничего не получается, — возразила Плоткина, — котел слишком высок. Если дверку опущенной держать, то

не видно показаний термометра, если же дверку приподнять, то при плохой тяге шкафа курпузол разнесится так же, как и при работе на столе. К тому же котел мне то и дело приходится открывать, для этого надо развинчивать болты, в шкафу эту операцию тяжело проделать, а вытаскивать из шкафа всякий раз эту четырехручную машину... немозжно не по моим силам.

— Но почему котел сделали на три ведра, а не на одно, например?

— По специальному заказу профессора, — жельно сказала Плоткина.

— Не важно у нас с оборудованием лабораторий, — произнес Полозов. — Мне придется работать вот с этим старым автоклавом. Он должен выдерживать давление до двадцати атмосфер, но никому неизвестно, на какое давление он рассчитан. Вот и думаю: дашь ему двадцать атмосфер — он и взорвется, как шрапнель.

Работа Полозова должна проводиться по совершенно научному методу, без каких бы то ни было отклонений. Сначала синтез мочевины ведется при 6 атмосферах давления. При одном и том же давлении должно быть сделано 6 опытов с продолжительностью реакции синтеза от трех до восьми часов. Затем синтез должен быть сделан при 8, 10, 12, 14, 16, 18 и 20 атмосферах. Всего, следовательно, надо сделать 48 опытов, или 48 режущих синтеза, кроме того охоло трехсот анализов, сотни операций по подготовке растворов.

Полозов работал с увлечением. Он все время на ногах и в непрерывном движении, присаживается лишь, когда надо титровать полученную — им созданную! — мочевины. Вот он за анализом. Одна рука прочно лежит на хрупком стеклянном кране еще более хрупкой бюретки с раствором, другая рука покаянно эрленмейеровскую колбу, и раствор мочевины медленно вращается в лей, глаза быстро перебегают с законечника бюретки на колбу; внимание и воля напряжены. Раствор мочевины посветлел, но не совсем. Капли! Только одна капля падает из бюретки в колбу — но какое резкое изменение цвета раствора в колбе! Он становится светлым. Но может быть не достаточно светлым? Полозов внимательно осматривает жидкость в колбе и еле-еле подмечает прозрачные хлопья. Надо еще добавить кислоты. Тотюдь не целую каплю, только полкапли! Малейший поворот крана, и законечник бюретки набухает кислотой. Достаточно! Быстрый поворот крана на запор. Прикосновение внутренней стенкой колбы к законечнику бюретки — и ровно полкапли, или даже меньше прилипло к стенке колбы. Легкое взбалтывание. Снова внимательный осмотр. Достаточно! Анализ, вершающий трехдневную работу, выполнен удачно. Все отсчеты заносится в тетрадь, и вскоре миллионные доли вещества титра переводятся в практически процентные величины. Увы, подсчет не веселит. Выход мочевины олохой. И вот Полозов на ногах; моет под краном колбы, бюретки, пипетки, стаканчик, мензурку, тщательно прополаскивает их дистиллированной водой и приступает к следующему опыту получения мочевины. Он у автоклава, набирает в него углекислоту и аммиак, наглухо заворачивает крышку, ставит в электрическую печь, и целые часы пристальный взгляд не сводится с термометра и манометра. Стоп! десять атмосфер! Температура регулируется, быстрая запись времени. Теперь взгляд раздвигается: на часы — слева, на термометр с манометром — прямо. Два часа прошло! Автоклав вынимается из печи и охлаждается. Дальше кропотливая работа по выделению мочевины из раствора, анализ части аммиака, угольной кислоты...

И. ГРЕЦОВ

(Продолжение следует)

БОРЬБА ЗА ВУЗ

Повесть

Продолжение

— Не вой!.. А тебе, грязнушка, сколько?
— И мне десять.
— Не считать будет. У тебя не чисто набраны и посуда не белая, вовсе не возмю.
А белокурый мальчик, с родинкой в копеечку на виске, бежал среди ребят и вышибал тарелки из рук. Раз Миша загляделся на большего индюка, который ходил по двору, охоло колодца с огромным колесом, и кричал: «кулды-кулды!» В это время подскочил барчук и рассыпал все ягоды у него. Миша заплакал.
— Эх ты, рева! Из-за пятачка плакать! Возьми его — обзовал его барчук и бросил пятачек под ноги.

Мише представилась своя деревня под соломой, и барский дом с колоннами за прудом и как таскал он туда ягоду — землянику спелую, спелую! А сам набивал окскому зеленому.

«Неужели это он, что бросал нам пятачки за ягоды — думал Миша про студента, проезжавшего на велосипеде. — Тогда как же он пропирнул в вуз? И как же я его выпустил, если он?»

...Студент испортил Мише настроение. Мысль уведила его далеко от Клавдии, не давала любоваться ему ей и природой. Поэтому было скучно под конец обним.

VII.

Конкурс в разгаре!

Ходят от дрожи стены и пол в Институте. Разлилась тревога незримой волной и захлестнула всех без разбора. Лихорадит и Клавдию, лихорадит и Колдобина на этот раз.

Светозаров, опершись на стену, наскоро перелистывает тетрадку. К нему то-и-дело подлетают за справками.

— Скажи, товарищ, формулу бинома?

— А мне — геометрической прогрессии. Сегодня, как ехать, знала на зубок, а теперь никак не вспомню, — впопыхах спрашивала Клавдия и трясущимся карандашом записывала ответ на оставшийся свободным от формул уголок.

— Идет Спасский!

— Профессор идет! Спасский!

Это был высший момент напряжения, когда проходил со списком в руке преподаватель, с реденькой русой бородашкой-лопаточкой. За ним прошла еще высокая, толстая женщина, как утка-приседа и переваливаясь, тоже преподавательница. Но в глазах конкурсантов — это профессор.

В аудитории вызывал по алфавиту сам Спасский жильным голоском. Когда список исчерпал — дверь закрылась. Начался турнир. Будут биться безусые рыцари, изощряться в ловкости и смекалке, а почтенное жюри будет ставить им «уды» и «неуды».

Экзаменационная лихорадка захватила, должно быть, и секретаря Приемочной комиссии. К нему только что забегал экзаменатор по литературе и с отчаянием докладывал о ходе работы.

— Что мне делать, товарищ Куликов? Я теряюсь, — хватался он за облезлую голову.

— Что случилось, Василий Павлович?

— Да кого ни спрошу, никто не знает басен Демьяна Бедного! Положительно шикот!
Куликов на секунду задумался.

— По-моему, не проваливать же из-за них, Василий Павлович? Если остальные знают более или менее? Как вы думаете?

— Да, придется! Придется! А все же я парочку десятков посадил на этом!

— Не много ли, Василий Павлович?! — улыбнулся Куликов.

— Нет, нет, нет! Это педагогическая непогрешимая мера — урок на будущие годы!

Куликов часто показывался в коридорах. На минутку он забегал в аудиторию, где шли экзамены, и прислушивался: не задают ли преподавателями очень сложные вопросы, задачи, или нет ли попустительства с их стороны. Насколько он мог судить, все шло нормально. Не входил Миша только в ту аудиторию, в которой сидела Клавдия.

Куликов подходил несколько раз к двери, открывал ее на ноготок и опять отходил.

«Стоит девка и парится уже скоро час!»

Колдобин высочил почти первый, такой же красивый и потный, каким его видел Миша в первый раз.

— Ну, как дела, Колдобин? — подбежал он к нему.

Парень машет рукой и выдыхает.

— Неужели просыпал?

— Не говори! Эта кикимора меня зарезала на логарифмах. Сказано же, от бабы трава вялет, где она сидит!

— Что же ты не знал разве или забыл?

— Не знал и забыл.

— Как же так! Ведь целый месяц был у тебя в запасе на подготовку!

— Я две недели ходил на поденщины.

— Эх ты, голова, голопат! — досадовал Миша. — Тебе же дали пособие недавно 15 рублей!

— Да уж очень меня разадорил заработок: Посуди сам: пять целковых в день выгоралял. Разве это не деньги?

— Чудак ты! Да люди сотни выкидывают на подготовку, а ты погнался за рублями. Брось все и возьми эти дни за зубрежку, — повелительно сказал Миша.

Колдобин дал слово подогнать себя к следующему экзамену, а как бы в оправдание сказал:

— И теперь бы я, пожалуй, выкарабкался, да меня один подвел: нарочно подкасал, леший, не то, что надо. И фамилию знаю его — Мартынов.

Куликов поморщился. Мартынова Комиссия лишила права участвовать в конкурсе, но он на другой же день принес записочку от важного лица в Наркомпросе, с которым бороться было невозможно.

— Эх, эти дядошки, тетушки! — скрипел Миша, прижимая бумажку.

— Здесь все по закону, — доказывал Мартынов. — Я же ничего общего с родителями не имею.

— А на что живешь? Ведь ты нигде не работаешь?

— Нет. Я получаю, согласно договоренности, пятьдесят рублей в месяц.

— От кого?

— От... от матери...

— А говоришь, ничего общего.

— С отцом ничего общего. Он иппан.

VIII.

Вторую неделю идут экзамены. Многие сели на перышки — получили отказ держать остальные. Только Кол-

добную сделано исключение. По четырем предметам у него два «уд» и два «неуд», а у Клавдии «неуд» по физике. У Мартынова по обществоведению.

У Куликова самое горячее время. Уходит рано в Институт и возвращается поздно. Через его руки прошло больше тысячи заявлений, приравленных бесчисленным количеством удостоверений и рекомендаций. Остальные члены, Щетинин и преподаватель Спасский работали больше наскоком. Поэтому вся тяжесть работы легла на Куликова. Со стороны она не кажется сложной, но надо иметь много мужества и крепкие нервы, чтобы проходить мимо слез, истерик, угроз и подхалимства.

Миша в шутку говорил Яше на этих днях:

— Жаль, что не курю, а то бы покупал папиросы не надо. Не успел бы в зубы взять, а тебе—чирк! и прикуривай.

— А все это проявление борьбы за существование,— ответил Яша с глубокомыслием и справился со своим другом.— А как там Щетинин? Для него папиросы готовые, только подавай! Лафа ему теперь. Он ведь парень аховый! Как это его выдвинули в комиссию?

— Вчера я воевал с ним. Вздумал он проташить одну денницу с двумя «неудами». Все бы это ничего, если бы она была наша. Когда еще подавала заявление, я тогда почувал, что зря оставил его с ней один на один.

— И удалось Щетинину отстоять ее?

— Ну что же будешь делать! Мне надо было во что бы то ни стало провести Колдобина. Из-за него пришлось пропустить еще попозача. За него опять вступился Спасский. Прочитал целую лекцию:

«Вы намеренно снижаете уровень высшей школы. Светозаров показал свои знания наилучшим образом» начал разводить, а я говорю: «Товарищ Спасский, Светозаров нам социально чужд.— Помилуйте,— отвечает мне,— духovenство дало цвет интеллигенции и мысли. Вспомните Сперанского, Чернышевского, Добролюбова, да мало ли!»—Так вот, Яшенка, какое дело. За одного своего двоих чуждых взяли,—заключил Миша.

— Так вот, Яшенка, какое дело. За одного своего двоих чуждых взяли,—заключил Миша.

На Яшу подействовал Мишин рассказ. Он раздражительно спросил:

— А председатель-то что смотрит? Как он мог допустить это? Ведь он ответственный и видный партиец.

— В том-то и беда, что слишком ответственный,— сказал Миша и вышел с портфелем.

— Куда же ты пошел, уже ночь, двенадцатый,— кричал Яша.

Он не сразу понял, что хочет Миша разыграть работу председателя Приемочной комиссии.

Распахнув широко дверь, влетает Миша и на ходу спрашивает впопыхах:

— Недоразумений никаких? А? Что? Какие сегодня вопросы на повестке дня?

Миша крутится у стола, открывает и закрывает портфель.

— Так, так!.. Хорошо!.. Ах, как бы мне не опоздать,—Миша приставляет руку к часам к уху и слушает, не стоят ли.—Мне через четверть часа быть на заседании Моссовета, а потом лекция в клубе. А где вчерашний протокол?.. Готово!—расчеркнулся Миша по столу пальцем, и портфель за скобку, да на ходу буркнул:

— От класовой линии ни шагу!

Дверь хлоп. Яша, уткнувшись в подушку, хохочет.

— А как же ты, Михаил Игнатьевич, поступил со своей? Или она не в счет?

— У ней благополучно. Из женщин лучше ее никто не выдержал,—ответил Миша.

В конце августа работа по приему приходила к концу. Миша радовался предстоящему отпуску.

— Порядком замотался,—говорил он.—Сегодня схожу еще, и закончим, и тогда можно будет отдохнуть.

— От трудов праведных,—вклинил Яша.

— Ты не задирай. Не подумай что-нибудь очень плохого о нашей работе. Я тебе сказывал о Мартынове. Все-таки его я опять выставил. Пришлось даже обществоведу шепнуть, чтобы он позакороче задавал ему вопросы. И достиг этим. Просыал. А то как его стал бы выживать?! А пареня, видать, хват! Получше шаптицев будет.

— Ну, да ладно. Иди. Чего там оправдываться.. Рано вернешься-то?

— Не позднее девяти. Сегодня немного дел.

Яша остался один. Он все лето готовит диалектический материализм. «Вещи в себе» и «Я не Я» спотворно действуют на него.

На Беркле Яша спал жестоко. Он не слышал, как вошел с корзиной густобровый брюнет, перехваченный ремешком с серебряной отделкой. Корзину свою поставил у кровати, прикрытой газетами, и подошел к спящему.

— Ашка, Ашка, проснись!—грас он за плечо.

Яша мычал и глубже зарывался лицом в подушку.

— Вставай, Ашка!

Яша приподнялся и удивленно раскрыл глаза и рот: — Хайрулла! Ну, здорово! Что ты рано припер! Как провел лето? Что делал?—осаждал Яша вопросами.

— После скажам... А Мышка где?

— В Институт ушел. Скоро вернется.

Хайрулла открыл корзину и подождал Яшу:

— Смотри!

— Да целый монах! Ставь его на стол и раскуривай!—Яша пришел в восторг при виде четвертой бутылки.

— Мышку дождем. Вот это кушай,—выложил Хайрулла кучу больших виноградных гроздей.

Яша навалился на него, но «монах» на столе не давал ему покоя. Он оглядывался на двери.

— Где он запропастился? Уже десятый час, а его все нет. Знаешь, что: пройдемся до Института. Мышка будет тоже рад встряхнуться. Хайрулла согласился.

В коридоре они встретились с Наташей. Как ни упиралась она, а все-таки увлекли ее с собой ребята. Яша, возбужденный «монахом», всю дорогу смеялся и много болтал.

Вдруг из переулочка, в который им нужно было свернуть к Институту, явкнул, выскочила карета скорой помощи и понеслась к Запесному рынку, метя пучками лучей мостовую.

На углу, где когда-то Клавдия Кронина по ошибке молилась на техникум, толпилась публика и оживленно разговаривала:

— Вот хулиганье-то! Ничего не стоит прыгнуть человека!

— Что случилось?—спросил Яша.

— Да зарезали одного парня!

— Из-за чего и кто?

— А кто его знает: рук, ног не оставил!

Ребята пошли дальше своей дорогой. Институтский двор был пуст. Здание оказалось закрыто. Часы над главным входом показывали одиннадцатый.

— Куда его чорт унес? Разошлись верно. Пошли обратно!—круто повернулся Яша и зашагал, подгоняя Хайрулла и Наташу.

Но в общезитки, к их удивлению, Миши Куликова тоже не оказалось. Не было его и на следующий день.

В. Трушинов

(Конец первой части)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НЕДРА

Шестнадцатая книга сборника «Недра» среди многих повестей, рассказов, поэмы и стихотворений содержит две вещи, посвященные студенчеству, а именно: В. Вересаева «В студенческие годы» и М. Мирова «Маша».

«В студенческие годы» Вересаева—это воспоминания автора о своем пребывании в Петербургском университете в 1884/85 гг.

Читатель может ожидать от Вересаева интереснейшего описания жуткой эпохи реакции Александра III, жизни студенчества в эти годы полицейского террора, описания обстановки высшей школы, когда студенты были объявлены «отдельными посетителями университета». Хотелось бы услышать о революционной борьбе молодежи, о проникновении первых слов марксизма в лучшие и передовые слои нашей интеллигенции. Мемуарный характер этой вещи, стремление автора передать фактическое и реальное положение вещей—все это лишь усиливает желание читателя услышать живые голоса нашего исторического прошлого. Все дело в том, куда направит свой глаз и свое внимание автор, что автор покажется наиболее ценным и важным.

Первые страницы воспоминаний поддерживают эти надежды:

«В актовом зале ректор Иван Ефимович Андреевский сказал молодым студентам греб. Невысокий, седенький. Простирал руки к студентам, как будто хотел их всех обнять и убеждал заниматься одною только наукою. И говорил: Не ломать и разрушать—призвание университетских деятелей, а творить и действовать. Не разрушение власти—их задача, а уважение порядка и власти».

Немного дальше: «Вскоре в Киевском университете вспыхнули студенческие беспорядки».

Перед читателем как будто встают прошедшие дни отчаянной борьбы нашей учащейся молодежи, откуда-то доносятся обрывки горячих речей, гневный рев демонстраций, щедающие нагак или головы, склоненные над запрещенной книгой.

Но чем дальше вы читаете, тем все сильнее отводит вас автор в свои личные замкнутые переживания. Все предвещает было как бы вступление. Далее начинается главная нить воспоминаний, занимающая доминирующее место, покрывающая все остальное. Открывается она следующей фразой: «Жить было трудно и грустно».

И так до конца. Университет—шумная, разнообразно одетая студенческая толпа», знаменитые ученые, биение общественного пульса,—все это где-то уже позади, в забытие и служит только фоном, на котором блистают яркие фигуры одиночества, меланхолии, влюбленности.

Автор долго и подробно говорит о своих неясных, туманных исканиях чего-то, о байроническом разочаровании, об истерическом увлечении Писаревым и вместе с этим о сочинении сантиментальных стихов и более всего о всепокрывающей влюбленности в некую Любу Козеровскую.

Надежды меркнут. Повесть может быть названа воспоминаниями о студенческих годах только в силу географии и даты. Все остальное с жизнью студенчества никак не связано, разве только тем, что автор, подражая многим студентам, отпустил волосы до плеч.

Страницы заполняются стихотворческими опытами и влюбленного юноши. Для примера:

Прочь печаль, смена, слезы—
Проклялось солнце зовны,
Слова—грезы, грезы, грезы,
Слова прежняя любовь...

или:

«Тоска недовольное сердце сосет
Дым длиною лентой клубится.
Тоскливой мечтой несусь я назад,—
А поезд все мчится и мчится».

Поведя о долгих днях и почая своей тоски, о мне настроениях, а, главное, о любовных мечтах, автор заканчивает свои воспоминания еще одним стихотворением, посвященным Любе Козеровской.

И это все, что мог сказать В. Вересаев о своем пребывании в университете.

Ожидания не оправдались. Возникает недоумение. Какая же необходимость, где смысла в подмене подобной литературой бездельной больших возможностей, бывших у автора? Чем оправдать печатание таких блужданий по темным закоулкам своей «большой души»?

Нам кажется, что даже мастерство повествования не может все же служить ответом на эти вопросы.

Теперь о «Маше» Мирова.

Сюжет повести следующий. Молодая работница Маша приезжает в Москву учиться. Ее принимают в вуз. Радость. «Ура, Алеша, принята. Ура, Маша. Это телеграмма своему возлюбленному комсомольцу Алексею Одиному... Три месяца учебы... Новый год. Маша ждет приезда Алексея в Москву. Осталось два дня. Вузовские товарищи Машу устраивают вечеринку. Приглашают Машу. Встреча. Пьянка. Маша сильно опьянела. Ее насилуют. В ту же ночь она кончает с собой».

На этом сюжет собственно и кончается. Но Мирон чувствует, что не все сказано, не все договорено, и он механически удлинит сюжет, занимается описанием долгих страданий Алексея. В конце повести Алексея вызывают в суд в качестве свидетеля по делу «по обвинению гр.гр. Терехова А. И. и Яровка И. К. в преступлении, предусмотренном 2 ч. 153 ст. УК».

В самом деле, автор не пожалел поэтических красок, чтобы изобразить, какое большое преступление совершили Терехов и Яровка, какое страшное зло постигло Машу. Но все же, несмотря на обилие психологических моментов, несмотря на старательное заглядывание в подсознательное своих героев, Мирон не сумел вывести события своей повести из ряда случайностей, не сумел обобщить и социально осмыслить описанные им события. Мирон не сумел показать, что изнасиловали Машу не потому, что Терехов просто «дурной» человек, а, скажем, Шура Бязев очень «хороший». Повесть приобрела бы убедительность только в том случае, если бы автор конкретно показал, что тип чубаровца есть тип социальный, а не биологический. Мирон же пошел по пути голого описания, занимаясь только игрой чувствований своих героев.

Следует остановиться и на методе художественного изображения. Мирон несомненно выражен стремлением «показать живого человека». Он тщательно описывает, что его герой думает, что он чувствует, что он вспоминает и даже, что он делает бессознательно, машинально. Отсюда, несмотря на несложность сюжета, медленный и спотыкающийся темп его развертывания.

Это же увлечение «психологичностью» прерывает все прелесть напряжения в повествовании. Автор хочет показать каждого героя наиболее живым, поэтому часто сбрасывает главную нить повествования, уходит в пространное описание «внутря» героя, потом оставляет его на полпути, сбрасывает совсем, ставя его вне событий и т. д.

Сам по себе трагический факт самоубийства распадается и тонет в различных «переживаниях» героини. Здесь и ощущение холодной стали, и записка с проклятием насылников, и представление будущего, и даже традиционное перед смертью воспоминание детства—одним словом, весь ассортимент из психологической «живого человека». Такое топтание на месте вызывает справедливое нетерпение, и конец Машы воспринимается уже как надоевшая в непространном повторении фраза.

Устремление всей повести остается невыясненным и малопонятным. Конкретные вопросы чубаровщины никак не разрешены. Это потому, что они, как говорилось выше, неправданно были поставлены.

Радости и печали, труд и тяжкие болезни наших дней нельзя ярко и убедительно передать, пропуская их через узкий мирок человека, коварящегося в недрах своих переживаний и неясных чувствований.

В. ЮРЬЕВ

ТЕНУЩИЕ ДЕЛА

★ Студентам Нижнего-Новгорода, по решению горсовета, передается 1,89 кв. метров жилой площади под 8 общежитий. Места для студентов освободились за счет переезда учреждений на двухэтажную работу.

★ Недавно правительством дополнительно ассигновано 20 миллионов рублей для строительства студенческих общежитий. На эти средства предполагается в текущем году построить три общежития в Москве по 8 тысяч квартир, и одно общежитие в Ленинграде на тысячу чел. Норма жилищной нормы будет увеличена с 4,5 кв. метра до 7,5 кв. метр.

★ В Грузии в текущем году открыт ряд техникумов. В Кутаисе открыты три техникума: текстильный, ветеринарный, земледельческий колхозный и инженерный. В Тифлисе открыто шесть техникумов: текстильный, ветеринарный, земледельческий, педагогический и т. д. Намечены к открытию в текущем учебном году еще 10 техникумов.

★ В Рязани открыт Казанский горный техникум с отделениями цветной металлургии и горнорудничества.

★ Объявляется строительный техникум в Алы-Ате, который начнет работать со второй половины текущего учебного года.

★ В Гаврилово-Побережье открыт студентский 4 курс сельхозтехникума в совхозе и колхозе на производственную практику, на весь производственный сезон.

★ Ленинградский лесной институт решено преобразовать в Лесную академию. В связи с изменением учебной программы, решено увеличить состав учащихся до 4 тысяч.

★ В Новосибирске открыт Институт народного хозяйства. За-

мечивается оборудование химической лаборатории и кабинетов. В помещении Института первоначально открыта библиотека, состоящая из 60 тысяч томов.

★ Ректорское совещание при Главузе решило провозвести в январе 1930 г. первый допознавательный прием по тысяче рабочих с производства. Принять будут также рабочие с Московских предприятий, так как нет свободных мест в общежитиях.

★ Главуз поручил Текстильстрою построить в Ленинграде студенческий дом-коммуна на две тысячи человек. В нем будут созданы образовательная столовая, отдельное помещение для учебных занятий, для физкультуры и т. д. Норма жилищной нормы — два человека на одну комнату в 15 кв. метр. Постройка дома-коммуны будет стоить 6 лет миллионов рублей и должна быть закончена не позднее октября 1930 г.

★ Гаврилофобор газетная Ленинградского уполномоченного преобразовать существующие остатки от общежитий от заводских, токовых изоляторов студентам в наиболее нуждающихся в студенческих вузах.

★ Ректорское совещание при Главузе решило отменить дипломные работы и проекты. Совещание также постановило, что с 1 января 1930 г. должны быть выписаны все дипломированные студенты.

★ Плехум Астраханского окрестного завода подготавливает о преобразовании Астраханского медицинского института в университет с медицинским и естественным факультетами.

★ Наркомпрот ТАСР поручил Гаврилофобору проработать вопрос о создании вузов при заводе № 49 им. Ленина.

ВМЕСТЕ СО ЗРЯЧИМИ

Их было всего двое. И оба слепые. Приехали «подвернуться» испытанию для поступления в местный рабфак. Эти здоровые молодые люди, люди «без глаз», приехали подготовиться к культуре, к труду и вместе со зрячими стать на социалистическую стройку. Встретили их недоумо.

— Слепые на рабфак? Да что же они здесь будут делать? Выручила инструкция. Инструктор Наркомпрота и Воса предлагала допустить слепых к испытанию и обучению на рабфаках. И она, эта инструкция, приоткрыла им дверь рабфака.

На испытание по обществуедению пришло человек 15. Все здоровые, загорелые, от станка и сохи. Среди здоровых зрячих было и двое незрячих.

Вместе с одной цели и задаче — выдержать.

Я сидел напротив, за столом в испытательной комиссии «к слепым от слепых».

Испытание началось. «Кооперация и ее значение в СССР, что такое пять укладов, зачем нам нужна индустриализация, чем отличается социализм от коммунизма, соревнование, реконструкция, сельское хозяйство» и т. д. Люди без глаз стали бодро отвечать. С самого начала стало заметно, что зрячие отстают от слепых в знаниях. Их ответы неуверенны, порой явно по качеству уступают ответам слепых. Комиссия принадегла, стала цинично звать слепых «глубоко».

Ответы ясны, формулировка правильная, понимание жизненных явлений несомненно. После трехдневного испытания зрячие признали их преимущество. Они победили. Испытания на признании права на учебу — блестяще выдержаны. Они оказались в списках по шестой категории, т. е. хорошо сдавшие испытание. Но для них испытание этим не окончилось. Еще мандатная комиссия должна проверить рабочий стаж.

Вот и списки читают, — у одного 6 лет батрачества, у другого 4 производственного.

Испытания выдержаны.

★

Месяц спустя я вновь был в «Комиссии по испытанию слепых», на этот раз их пригласили в наши права «трудиться». На большой консервной фабрике зрячие трудящиеся плохо сошлись с теми, кто люди «без глаз» имеют право также вместе со зрячими и как зрячие работать. Инструкция, на этот раз Наркомтруда и ВСНХ, вновь выручила. Калитку завода чуть приоткрыли для трех слепых. В цеху их встретили также недоумо.

— Зачем? Куда их, слепых? Своих что ли нет? Пришлось провести разъяснительную работу. Стали на работу в промывочно-упаковочном цеху. Работа конвейерная, сделанная. Здесь не зевай, себе и другому помешай. «Ну, чужок, — коли приказывают, становись».

Стали. Взгляды за работу. Смотрят зрячие — работают, не отстают. Стали привыкать. Курить стали приглашать, — не идут слепые, — работать, моя, надо. По сторонам не глязуют, незачем и нечем. Сдельщину не уменьшали и качество поддержали. А тут слухач подвернулся, — электричество на заводе погасло. Стали рабочие, — а слепые невдомек, — работают за себя и за зрячих. Ладные ребята. Работящие.

Прошло две недели. На общем рабочем собрании промывочно-упаковочный цех признан за работу со слепыми по общественной линии лучшим. Стенгазета заговорила об этом. Слепые нормы и качество работы дают хорошие. Стали вместе домой уходить, дружно водить. Цех стал поговаривать о допущении и других слепых к работе.

Слепые испытание на жизнь выдержали. Для них без труда и культуры жизнь тройне тяжела.

Открывайте же им двери без инструкции.

Д-р ДОХМАНОВ

БЕЛАЯ МОЛЬ

Уже давно оставили сибирь белые, но остались от них отдельные пылинки. Они осели в городах и учреждениях Сибири. Особенно много их собралось в Омском рабфаке.

Здесь осели они прочно, срывают строительство новой школы, срывают пролетаризацию и всякую общественную работу в ней. Арохтирзян Л. И., сын московского купца, Ираклинов П. И. — сын попа, Львов В. Д. — сын чиновника, Колодова С. А., Гери Н. В., Петровский Д. Д., Грачев Л. А., Ивановский Н. И. — вся эта белая моль пьездедет общественность рабфака.

За самокритику они объявляют скрытый бойкот учащимся, исключают их.

Так были исключены студенты 4 курса Николай Кукель, Гордей Тартынский, Ж. Герасимов и др. товарищи, пытавшиеся на собраниях, в стенограмме критиковать работу белых педагогов. Критикующих немедленно изолировали, исключили под тем или иным предлогом, совершенно не соответствующим действительности.

Не пора ли изъять белую моль хотя бы с рабфак — этой новой школы советского просвещения? Не пора ли вытряхнуть засравшую в наших вузах пыль колчаковщины и контрреволюции?

А. АНДЕРС

Ответственный секретарь редакции принимает от 3 до 6 час. ежедневно, кроме понедельника и субботы.

Адрес редакции: МОСНВА, 11, Соляная, 12, Дворец труда, комн. 214, телеф. Дворец труда, № 199.

Отв. редактор Н. Чудновский

47579

ПОДПИШИСЬ

НА ЕДИНСТВЕННЫЙ
СТУДЕНЧЕСКИЙ
МАССОВЫЙ ЕЖЕНЕ-
ДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТ-
ВЕННО-ПОЛИТИЧЕ-
СКИЙ И ЛИТЕРА-
ТУРНЫЙ ИЛЛЮСТ-
РИРОВАННЫЙ ЖУР-
НАЛ. 7 год издания

1929/1930 Уч. год

М Е С Т О Д Л Я
НАКЛЕЙКИ АДРЕСА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО
ПРОЛЕТАРСКОГО СТУДЕНЧЕ-
СТВА ВЦСПС И МОСКОВСК. БЮРО

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

Для годовых подписчиков (не студентов-стипендиатов) допускается рассрочка: при подписке—1 р. 50 к., к 1 декабря—1 р., к 15 февраля—1 р. 50 к.

Студенты-стипендиаты при условии подписки в студенческих организациях или у их уполномоченных и представления общего гарантийного письма пользуются кредитом на срок подписки (из циркуляра Наркомпроса, ВСНХ и НКПС—опублик. еженед. НКП № 36 от 6/IX—29 г.).

Годовые и полугодовые подписчики пользуются правом получения со скидкой книг и учебных пособий по выбору из списка, публикуемого в № 8 журнала. Книги высылаются подписчику почтой. Годовые подписчики участ. в розыгрыше премий.

В ЧИСЛО ПРЕМИЙ ВХОДЯТ:

- 1 библиотека в 100 рублей
- 3 библиотеки по 75 рублей
- 15 библиотек по 50 рублей
- 20 библиотек по 25 рублей

а также отдельные фундаментальные учебники и лучшие литературные произведения. По мере роста числа подписчиков количество премий будет увеличиваться. Библиотеки комплектуются самими подписчиками из каталога Госиздата.

ЦЕНА 15 КОПЕЕК

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год (35 №№)—4 р., на I полуг. (14 №№)—1 р. 70 к., на 2 полуг. (21 №№)—2 р. 50 к., на 3 месяца—1 р. 50 к.

Цена отдельного номера в продаже—15 копеек.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ редакцией журнала «Красное студенчество»: Москва, II, Солянка, 12, Дворец труда, комн. 214, тел. Дворец труда № 199; уполномоченными исполбюро профсоюзной и профсоюзной в каждом учебном заведении; сенторах подписных и периодических изданий Госиздата: Москва, центр, Ильинка, 3, Госиздат, тел. 4-87-19; в отделениях, киосках и магазинах Госиздата; во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах.

В ГОД ВЫХОДИТ 35 НОМЕРОВ, ОБЪЕМОМ ПО 24 СТ. (3 ПЕЧАТН. ЛИСТА) В КАЖДОМ НОМЕРЕ. ПОДПИСИОН. ГОД СЕНТЯБРЯ 1929 Г. ПО МАЙ 1930 Г. ВИДНО ИТЕЛЕНЬКО.